СЕКТА СКОПЦОВЪ

ВЪ РОССІИ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

СОСТАВЛЕННЫЙ

И. А. АРСЕНЬЕВЫМЪ.

БЕРЛИНЪ 1874.

Stuhr'sche Buch- & Kunsthandlung

(S. Gerstmann.)

61. Unter den Linden 61.

Ереси, или секты, въ Россіи, представляютъ нѣчто вполнѣ своеобразное, не имѣющее, ни въ своихъ началахъ, ни въ своихъ цѣляхъ, ничего общаго съ характеромъ религіозныхъ сектъ западной Европы. На западѣ, секты составляли всегда протестъ противъ болѣе или менѣе явныхъ злоупотребленій со стороны представителей церкви, господствующей въ томъ или другомъ государствѣ, для которыхъ религія служила орудіемъ къ достиженію своекорыстныхъ цѣлей. Въ западной Европѣ, въ религіозныхъ сектахъ, выражалось всегда умственное прогрессивное требованіе, вызванное слишкомъ сильнымъ напоромъ и гнетомъ обскурантизма, который поддерживали, въ видахъ личныхъ своихъ интересовъ, лица, завѣдывавшія совѣстью живыхъ массъ. На западѣ, сектанты заботились объ очищеніи религіозныхъ началъ отъ тѣхъ плевелъ, которые препятствовали истинѣ христіанскаго ученія проникать

въ жизнь обществъ и народовъ; они старались разсѣять тьму, порожденную предразсудками и суевѣріемъ, во имя свѣта, святости и чистоты христіанской истины, чуждой всякой формалистики и гнушающейся насилованія совѣсти. Въ Россіи-же всѣ секты, безъ исключенія, представляютъ совершенно противоположное явленіе: русскіе сектанты являются самыми отчаянными поборниками коснѣнія, грубаго невѣжества и дикаго умственнаго застоя, для котораго, въ религіи, не существуетъ ничего, за исключеніемъ сухой буквы и формы.

Такое совершенно анормальное положеніе нашихъ сектъ, нашихъ расколовъ, препятствуетъ смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія западныхъ криминалистовъ и политиковъ, находившихъ иногда основаніе относить сектантовъ западной Европы къ числу враговъ, не только господствующей церкви, но и существующаго порядка въ государствѣ, такъ какъ политическій элементъ игралъ весьма сильную роль при возникновеніи сект на западѣ.

Съ легкой руки моршанскаго (Тамбовской губерніи) полицеймейстера Тришатнаго, въ послѣднее время, выдвинулась въ Россіи, на первый планъ, въ области судебной, секта скопцовъ, которая обратила на себя особенное вниманіе публики, вслѣдствіе баснословной цифры капиталовъ, о которыхъ оповѣстили всѣ періодическія изданія, когда возгорѣлось „плотицинское“ дѣло. Капиталы эти въ сущ-

ности и составляли для публики главный интересъ процесса о скопцахъ; что же касается вопроса религіознаго,—т. е. главной сути самаго дѣла,—то онъ мало обратилъ на себя вниманія, и если бы не разныя статьи и брошюры, болѣе или менѣе лубочнаго свойства, которыя начали появляться вслѣдъ за „плотицинскимъ“ процессомъ, большинство публики вовсе позабыло бы о скопческой сектѣ, существующей въ Россіи уже около ста пятидесяти лѣтъ и находящей до сихъ поръ для себя адептовъ, несмотря на неоднократно-принятыя правительствомъ мѣры къ ея уничтоженію.

Плотицинскимъ процессомъ, какъ извѣстно, не окончились судебныя разбирательства по дѣламъ скопцовъ; за нимъ, разсмотрѣнію гласнаго суда подлежало нѣсколько скопческихъ дѣлъ, которыя доказали, что даже вызванные въ судъ, въ качествѣ экспертовъ, такъ называемые спеціалисты предмета оказались не вполнѣ компетентными относительно разрѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ, касавшихся помянутой секты, и нерѣдко даже расходились въ своихъ мнѣніяхъ и заключеніяхъ вслѣдствіе того, что не были знакомы съ исторіею скопческой ереси и съ тѣми фазами, чрезъ которые она прошла въ теченіе своего полуторавѣковаго существованія въ Россіи.

Полагая, что какъ для новыхъ русскихъ судовъ такъ и для публики, не окажется излишнимъ познакомиться съ исторіей скопческой секты и съ тѣми

мѣропріятіями, къ которымъ, періодически, правительство руское находилонужнымъ прибѣгать, дабы ересь эта не принимала все болѣе и болѣе широкихъ размѣровъ, мы печатаемъ настоящую брошюру, матеріаломъ для которой служили одни лишь достовѣрныя данныя, основанныя на фактахъ, подтвержденныхъ оффиціальными документами.

С. Петербургъ, 1873 г.

И. Арсеньевъ.

Секта Скопцовъ

въ

РОССІИ.

Скопческое уродованіе, какъ явленіе, не имѣвшее ничего общаго съ началами религіозными, существовало въ самой глубокой древности у ассиріянъ, персовъ, грековъ и римлянъ. Большая часть дѣтей рабовъ была оскоплена и, по достиженіи зрѣлаго возраста, нѣкоторые изъ нихъ не только занимали низшія служебныя должности, требовавшія довѣрія, но и самыя почетныя мѣста правителей областей, министровъ и даже наставниковъ царскихъ дѣтей.

До вступленія на папскій престолъ Григорія XIV, т. е. до 1590 года, въ Италіи скопили дѣтей для того, чтобы приготовлять ихъ въ пѣвчіе разныхъ церковныхъ хоровъ и, въ особенности, для папской капеллы, гдѣ большая часть дискантовъ состояла исключительно изъ скопцовъ. голоса которыхъ считались несравненно пріі

ятнѣе женскихъ *). Въ Америкѣ, рабовладѣльцы скопили дѣтей своихъ невольниковъ. Въ Турціи, гдѣ скопчество не преслѣдуется, въ числѣ гаремной прислуги и до сихъ поръ существуютъ скопцы (евнухи), которые пользуются неограниченнымъ довѣріемъ своихъ господъ, а часто и большимъ почетомъ. Но скопчество, до появленія христіанства, не имѣло никакого религіознаго характера, не составляло *ученія*, а слѣдовательно и не было *сектою*. Скопчество приняло религіозный характеръ послѣ введенія христіанства, вслѣдствіе изувѣрства и ложнаго толкованія фанатиками-аскетами евангельскаго ученія. По мнѣнію этихъ фанатиковъ, для достиженія высшаго духовнаго совершенства, слѣдовало, прежде всего, умерщвлять свою плоть, а это умерщвленіе плоти достигалось всецѣло помощью оскопленія. Таково начало скопчества *какъ ученія религіознаго*, которое нигдѣ и никогда не находило себѣ многочисленныхъ поклонниковъ.

Въ Россіи, до второй половины прошедшаго столѣтія, скопчества вовсе не существовало: русскіе, въ старое

---

*) Въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ Москвѣ, жили два итальянца-скопца, братья Бравура (изъ пѣвчихъ папской капеллы), которые считались лучшими учителями пѣнія и нажили себѣ весьма хорошее состояніе своими уроками. Одинъ изъ братьевъ Бравура, Антонъ, былъ когда-то любимцемъ Потемкина, который произвелъ его въ званіе профессора, никогда не существовавшей въ Россіи, филармонической академіи, и далъ ему шитый золотомъ мундиръ который Бравура, послѣ смерти Потемкина, надѣвалъ при торжественныхъ празднествахъ.

время, имѣли понятіе о скопцахъ только потому, что они являлись къ нимъ изъ Византіи. Такъ какъ русская церковь, въ началѣ своего существованія, состояла въ духовной зависимости отъ константинопольской, то въ Россію присылалъ тамошній патріархатъ священниковъ, монаховъ и даже епископовъ, въ числѣ которыхъ были скопцы, какъ напримѣръ: монахъ — *Адріанъ* (1004 г.), смоленскій епископъ *Мануилъ* (1128 — 1147 г.), владиміро-волынскій епископъ *Ѳеодоръ* (1136—1147 г.), и даже два митрополита — *Іоаннъ* (1089—1090 г.) и *Ефремъ* (1090—1096 г.). Не смотря однакожъ на вліяніе, которое имѣло у насъ, въ то время, духовенство—и въ особенности духовенство высокопостановленное — примѣръ скопцовъ-епископовъ и митрополитовъ не соблазнилъ русскихъ, и скопчество не проникло въ среду народную. У насъ, въ Россіи, появлялись, отъ времени до времени, разные лже-христы, лже-богородицы и лже-пророки, но они не успѣли создать никакихъ сектъ до второй половины XVII-го столѣтія, т. е. до появленія бѣжавшаго отъ рекрутства крестьянина Владимірской губерніи Даніилы Филиппова, который успѣлъ образовать секту христовщины, или *хлыстовщины* и повелъ свою пропаганду довольно удачно. Даніило Филипповичъ, по ученію хлыстовъ, никто иной какъ „богъ-саваоѳъ“, который не имѣлъ нужды ни въ какой человѣческой мудрости, а потому сошелъ на землю, побросалъ всѣ книги въ Волгу и приказалъ „не имѣть книжнаго ученія“, а держаться древнаго ученія, принесеннаго съ неба,

и слушать вдохновенныя рѣчи пророковъ и пророчицъ. Данило Филипповичъ нашелъ нужнымъ обзавестись сыномъ, Иваномъ Тимофѣевымъ Сусловымъ (тоже крестьянинъ), котораго наименовалъ „своимъ возлюбленнымъ сыночкомъ Христомъ“ и который сдѣлался самымъ ярымъ пропагандистомъ хлыстовскаго ученія. Послѣ Даниды Филипповича и Суслова, появился новый лже-христосъ, стрѣлецъ Лупкинъ, и лже-богородица „баба-стрѣльчиха“ Акулина Ивановна; потомъ лже-христосъ Филаретъ (монахъ петровскаго монастыря), юродивый Андрей Петровъ и многіе другіе. Хлыстовщина, помощью пропаганды всѣхъ этихъ „лже-христовъ“, довольно быстро развилась въ приволжскихъ губерніяхъ и въ Москвѣ, гдѣ присоединились къ этой сектѣ даже „бояре и боярыни“, помѣщики, архимандриты и настоятели монастырей, со всей подвластною имъ братіею.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія, ученіе хлыстовъ проникло и въ Петербургъ, а въ началѣ нынѣшняго столѣтія нашло прозелитовъ даже въ классѣ образованномъ, чему служатъ примѣромъ Татаринова, полковникъ Буксгевденъ, Дубовицкій (отецъ недавно умершаго въ Петербургѣ президента медико-хирургической академіи) и другъ.

Хлыстовское ученіе заключается въ томъ, что хлысты отыскиваютъ и олицетворяютъ бога живаго. Ихъ ученіе требуетъ обузданія плоти и развитія крѣпости духовныхъ силъ человѣка. Вотъ почему ихъ называютъ *духовными скопцами*, и многіе смѣшиваютъ секту хлыстовъ съ

сектою скопцовъ. Въ хлыстовской сектѣ существуютъ разнообразныя побочныя вѣрованія и различныя формы такъ называемыхъ „радѣній“, вслѣдствіе того, что каждый изъ лже-христовъ по свѣдому преподавалъ ученіе Даніилы Филипповича. Хлыстовскія бощины называются, „кораблями“ и при каждомъ изъ этихъ кораблей находится лже-богородица. На радѣніяхъ, хлысты предаются самому страшному разврату, съ цѣлью будто-бы ослабить свой организмъ и убить, такимъ образомъ, плотскія похоти.

Противъ этого разврата возсталъ въ 1740 году хлыстъ Селивановъ, который создалъ, вмѣстѣ съ лжебогородицею Акулиною Ивановною, новую секту, требующую уничтоженія похотей и умерщвленія тѣла помощью оскопленія. Съ этого времени существуетъ въ Россіи, въ видѣ правильно организованнаго общества, *секта скопцовъ*.

Селивановъ и покровительница его, хлыстовка лжебогородица Акулина Ивановна, имѣвшая свой собственный хлыстовскій „корабль“, задумали учредить новую секту, съ цѣлью стать въ главѣ общества, вполнѣ самостоятельнаго и независимаго, и въ надеждѣ привлечь къ себѣ возможно большее число лицъ, имѣющихъ матеріальныя средства *). Предпріятіе этихъ двухъ лицъ

*) Настоящая брошюра посвящена исключительно „скопческой сектѣ“, которая основана на началахъ, имѣющихъ лишь фиктивное сходство съ сектою хлыстовъ, называющихъ себя „Божьими людьми“. Смѣшеніе этихъ двухъ сектъ не должно имѣть мѣста, въ особенности въ настоящее время, когда предстоитъ

увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, слѣды котораго мы видимъ по сіе время, такъ какъ скопчество, какъ *община*, какъ *секта*, какъ самостоятельная корпорація, существуетъ у насъ и по нынѣ, вопреки всѣхъ административныхъ и судебныхъ мѣръ, которыя были принимаемы противъ этой секты, въ теченіе цѣлаго столѣтія.

Основаніемъ ученія скопцовъ послужило ложное толкованіе текста евангелія апостола Матѳея (стр. XIX, стр. 12), въ которомъ приводятся слѣдующія слова Христа Спасителя о скопцахъ: „Суть скопцы, иже изъ чрева матерня скопишеся тако; и суть скопцы, иже родишася отъ человѣкъ; и суть скопцы, иже исказили сами себя царствія ради небеснаго.“ Настоящій смыслъ словъ этихъ, въ совокупности, очевиденъ: они были произнесены по поводу бесѣды съ фарисеями о святости брака, съ цѣлью объяснить недоумѣніе апостоловъ, которые, слыша отъ божественнаго учителя, что „иже аще пустить жену свою, прелюбы творитъ, и женяйся пущеницею прелюбы дѣетъ“, — воскликнули: „аще тако есть вина человѣку съ женою, лучше есть не женитися“! На это Спаситель отвѣчалъ: „не всѣ вмѣщаютъ словеси сего, но имъ же дано есть“, т. е. не всякій можетъ

русскому гласному суду разбирать дѣла членовъ обѣихъ сектъ, и слѣдовательно подвергать той или другой карѣ ихъ послѣдователей. Къ сожалѣнію, одинъ изъ судебныхъ слѣдователей московскаго округа, г. Реутскій, въ брошюрѣ своей „Люди Божьи“, постоянно смѣшиваетъ эти двѣ секты; вотъ почему *историческое* изслѣдованіе его превратилось въ изслѣдованіе *романическое*, а подъ часъ и *фантастическое*.

выдержать отрѣшенія отъ брака, а только тѣ, которыхъ предрасполагаютъ къ тому особыя обстоятельства. Послѣ этого Спаситель перечисляетъ тѣхъ, которымъ можно рѣшиться на такое воздержаніе, а именно: людей отъ природы неспособныхъ въ супружескому сожитію („*иже изъ чрева матерня родишася тако*“), людей, насильственно оскопленныхъ другими лицами („*иже скопишася отъ человѣкъ*“) и наконецъ людей, оскопившихъ самихъ себя *не тѣлесно*, а духовно, чрезъ *нравственное умерщвленіе* плоти *силою воли* („*иже исказиша сами себя царствія ради небеснаго*“). Въ заключеніе, Іисусъ Христосъ сказалъ: „*могій вмѣстити, да вмѣститъ*“, т. е. кто принадлежитъ къ тремъ поименованнымъ имъ категоріямъ людей, способнымъ выдержать добровольное отреченіе отъ брака, тотъ пусть не женится*).

Скопцы, какъ мы увидимъ ниже, не ограничиваются въ догматахъ своихъ, ложно понятымъ и растолкованномъ ими, текстомъ евангелія: они *исказили* вполнѣ вѣру христіанскую и сдѣлали себѣ идоловъ изъ живыхъ людей, которыхъ перименовали въ божество.

Но перейдемъ къ основателю секты Андрею Селиванову.**)

---

*) Такъ понимали это евангельское изреченіе и отцы церкви, толковавшіе св. писаніе въ духѣ хрустіанскомъ, какъ напр. св. Василій Великій и св. Іоаннъ Златоустъ. При томъ, церковь христіанская, со временъ апостольскихъ, признавала скопчество *грѣхомъ тяжкимъ*.

**) Настоящее имя Селиванова въ точности неизвѣстно: онъ называлъ себя и Ѳомой, и Иваномъ, и Семеномъ, и Кондратіемъ

Личность Селиванова была вовсе неизвѣстна до того времени, когда онъ рѣшился явно стать въ опозицію съ хлыстами и основать новую секту, при помощи знаменитой хлыстовской богородицы Акулины Ивановны. Прежде чѣмъ Селивановъ явился реформаторомъ и творцомъ новаго ученія, еще болѣе дикаго и болѣе вреднаго, чѣмъ хлыстовщина, онъ долго велъ жизнь скитальческую, скрывался въ разныхъ хлыстовскихъ общинахъ, или „корабляхъ.“ Попавъ, наконецъ, въ „корабль“ Акулины Ивановны и найдя для себя въ лже-богородицѣ не только покровительницу, но и самую вѣрную пособницу, Селивановъ, изъ пугливаго бродяги, опасающагося преслѣдованія и наказанія за побѣгъ, превратился въ смѣлаго, дерзкаго противника тѣхъ самыхъ, которые давали ему, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, тайное убѣжище, пріютъ и средства къ существованію.

Когда произошелъ явный разрывъ между Селивановымъ и бывшими его покровителями, хлыстами, то послѣдніе озлобились сильно на реформатора, такъ какъ онъ, отчасти, отбивалъ у нихъ учениковъ, а слѣдовательно и отнималъ часть доходовъ, которые полу-

---

и Андреемъ. Въ оффиціальныхъ бумагахъ, по большей части, онъ называется Андреемъ, и въ послѣднемъ показаніи, отъ него отобранномъ, назвалъ себя крестьяниномъ Орловской губерніи, села Столбова, что не подтвердилось однако же справками, наведенными въ этомъ селѣ, крестьяне котораго сказали, что у нихъ никогда никакого Селиванова не было. Всего вѣроятнѣе, что Селивановъ былъ помѣщичій крестьянинъ, бѣжавшій отъ рекрутства и скрывавшійся долгое время у хлыстовъ.

чались хлыстовскими кораблями отъ ихъ вѣрныхъ членовъ и агентовъ. Со стороны хлыстовъ начался рядъ доносовъ, которые обратили наконецъ вниманіе правительства на пропаганду Селиванова и вредное вліяніе ученія его на простой народъ. Хлысты сами преслѣдовали Селиванова и неоднократно покушались даже лишить его жизни, но онъ ловко ускользалъ изъ ихъ рукъ, постоянно ведя кочевую жизнь и мѣняя свой костюмъ. „Я не могъ нигдѣ головушки своей преклонить“, говоритъ Селивановъ въ своихъ „страдахъ.“ *) И дѣйствительно, жизнь Селиванова была далеко не спокойная и онъ отдохнулъ, — и то на весьма короткое время, — только тогда, когда попалъ въ „корабль“ почти столѣтней старухи Акулины Ивановны.

Пророчицѣ „корабля“ лже-богородицы Акулины Ивановны, Аннѣ Романовнѣ, сильно полюбился Селивановъ, желѣзный характеръ котораго подчинилъ себѣ сразу не только дряхлую старуху Акулину Ивановну и мягкосердечную Аниу Романовну, но и всѣхъ членовъ корабля, главою котораго, лишь номинально, числилась бывшая

*) „Страдами“ называется у скопцовъ сказаніе Селиванова о его похожденіяхъ, трудахъ, подвигахъ и мукахъ, какъ „искупителя.“ Сказаніе это записано скопцами со словъ самого Селиванова, въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Нѣтъ ни одного скопца въ Россіи, который бы не имѣлъ, въ рукописи, сказаній о Селивановскихъ „страдахъ“; но въ послѣднее время скопцы, вслѣдствіе вновь начавшихся противъ нихъ преслѣдованій со стороны прокурорской власти, тщательно прячутъ свои рукописи, а также и переписку вообще со своею общиною.

монахиня Ивановскаго монастыря (Акулина Ивановна), ибо всѣ матеріальныя средства общины находились въ безотчетномъ распоряженіи лже-пророчицы, а не лже-богородицы, выживавшей почти изъ ума и превратившейся, на старости лѣтъ, въ автомата, двигавшагося по велѣнію хитрой Анны Романовны.

Вступивъ въ самую тѣсную связь съ Селивановымъ, Анна Романовна, какъ пророчица, въ одну изъ хлыстовскихъ сходокъ, объявила о новомъ „истинномъ“ ученіи и провозгласила, что въ средѣ вѣрующихъ явился „истинный“ Богъ, *въ лицѣ Селиванова.*

По мѣрѣ того, какъ слава Селиванова росла въ средѣ многочисленнаго корабля Акулины Ивановны, увеличивалась съ каждымъ днемъ и ненависть къ нему хлыстовъ: „божьи люди“ не только подавали на него мѣстнымъ полицейскимъ властямъ непрестанные доносы, но подготовляли ему облавы и засады и даже неоднократно командировали съ ружьями своихъ агентовъ (иногда и женщинъ) которые караулили, когда Селивановъ отправлялся ночью къ своей вѣрной пособницѣ, Аннѣ Романовнѣ, и стрѣляли въ его. Но попытки хлыстовъ уничтожить Селиванова оказались безуспѣшными, — онъ остался живъ и невредимъ. Однакоже постоянныя опасенія за свою жизнь, постоянный страхъ быть искалеченнымъ или убитымъ заставили Селиванова покинуть убѣжище нѣжно любившей его лже-пророчицы: онъ снова принужденъ былъ скрываться и скитаться. Къ счастью проходимца, онъ случайно нашелъ себѣ вѣрнаго

собрата и энергическаго пособника въ лицѣ человѣка, одареннаго тоже не менѣе желѣзнымъ характеромъ, не менѣе твердою волею, — въ нѣкоемъ „Александрѣ Ивановичѣ Шиловѣ“, крестьянинѣ Тульской губерніи, села Маслова. По сказаніямъ „страдъ“, Шиловъ, произошелъ всѣ вѣры и во всѣхъ вѣрахъ былъ учителемъ; когда же втрѣтился съ Селивановымъ, то слазалъ ему: „сорокъ лѣтъ дожидалъ тебя, ты намъ истинный свѣтъ, и тебѣ я со христомъ поклонюсь, и радъ за тебя головушку сложить, и на мелкія части плоть свою раздробить.“

Шиловъ является, въ средѣ скопцовъ, первымъ истиннымъ фанатикомъ своего ученія: его „перваго“ оскопилъ Селивановъ, а за симъ явился, съ своимъ оскопленнымъ „другомъ и наперсникомъ“, къ Акулинѣ, которую сталъ называть своею „матушкою“ (такъ какъ Селивановъ объявилъ уже себя „Христомъ“). Лже-богородица тутъ-же благославила Шилова на путь апостольскій — на проповѣдь.

Заручившись благословеніемъ и разрѣшеніемъ Акулины Ивановны, Селивановъ и Шиловъ получили отъ Анны Романовны довольно значительный кушъ денегъ на путевыя издержки и отправились по селамъ, городамъ и деревнямъ тульской и орловской губерній, чтобъ „учить народъ истинной вѣрѣ.“

Пропаганда двухъ сообщниковъ вліяла на невѣжественныя массы крестьянъ съ поразительнымъ успѣхомъ: подъ ихъ ножъ съ покорностью ложились и мужчины,

и женщины, и совершеннолѣтніе, и дѣти. Наконецъ, послѣ довольно долговременной рѣзни, которую съ невозмутимымъ остервенѣніемъ производили „лже-христосъ“ Селивановъ и „лже-наперсникъ“ Шиловъ, правительство обратило вниманіе на совершающееся воочію искалеченіе русскаго простолюдина, и 2-го іюля 1772 года, по именному высочайшему указу, былъ посланъ въ Оренъ полковникъ Волковъ, для изслѣдованія, на мѣстѣ слуховъ, возникшей, въ Орловскомъ уѣздѣ, „новаго рода ереси.“ Въ указѣ сказано, чтобы по окончаніи изслѣдованія, всѣхъ въ семъ дѣлѣ участвующихъ вины раздѣлить на три класса: „1) начинщикъ, или начинщики, и тѣ, кои другихъ изуродовали; 2) тѣ, кои, бывъ уговорены, другихъ на то приводили и 3) тѣхъ простяковъ, кои, бывъ уговорены, слѣпо повиновались безумству наставниковъ.“ Въ томъ же указѣ сказано: „съ первыми, т. е. съ зачинщиками, поступить какъ съ „возмутителями общаго покоя, то есть высѣчь кнутомъ въ тѣхъ жилищахъ, гдѣ они проповѣди свои производили, гдѣ болѣе уговаривали, и потомъ сослать въ Нерчинскъ вѣчно“; вторыхъ, т. е. тѣхъ, которые, бывъ уговорены, другихъ на то приводили, „высѣчь батожьемъ и сослать въ фортификаціонную работу въ Ригу; а третьихъ разослать на прежнія ихъ жилища, обязавъ ихъ помѣщиковъ и начальниковъ накрѣпко, чтобы они за всѣми сими людьми „безпрестанно смотрѣли“, дабы они „не могли впасть паки въ прежнее свое заблужденіе.“

Какія были послѣдствія порученія Волкова, какъ рас-

порядился онъ съ виновными въ скопческой пропагандѣ и ихъ покорными учениками, — изъ оффиціальныхъ документовъ того времени не видно; извѣстно только, что въ числѣ арестованныхъ Волковымъ, ни Селиванова, ни Шилова не было, а попался какой-то оскопитель, бѣглый бродяга Андрей Ивановъ, который былъ наказанъ кнутомъ и сосланъ. На остальныхъ скопцовъ взглянули, согласно постановленіямъ тогдашняго правительства, съ точки зрѣнія „обыкновенно гражданской, а не инако“, и они были отправлены „на мѣста ихъ постояннаго пребыванія.“

Въ 1775 году, вслѣдствіе постоянно усиливавшагося, въ орловской и тульской губерніяхъ, скопчества, была наряжена въ Тулу уже цѣлая коммиссія, съ цѣлью прекратить заразу, превращавшуюся въ весьма опасную эпидемію. Коммиссія успѣла тотчасъ же захватить одного изъ главныхъ ересіарховъ, а именно Шилова, который былъ наказанъ, въ самой Тулѣ, батожьемъ, и отправленъ въ ссылку въ Ригу; но ни ссылка, ни батожье, отъ котораго у Шилова, до смерти, остались неизгладимые слѣды, не охладили рвенія „лже-пророка“ къ скопчеству: онъ и въ Ригѣ продолжалъ учить и скопить женщинъ и солдатъ.

Вслѣдствіе того, Шиловъ вторично былъ наказанъ батогами и отправленъ на вѣчную ссылку въ Динамюндъ, гдѣ онъ находился до 1795 года. Въ этомъ году (при императорѣ Павлѣ Петровичѣ), по причинамъ, которыя остались оффиціально неизвѣстными, всѣ скопческіе

ересіархи были вытребованы въ Петербургъ; въ числѣ ихъ былъ и Шиловъ, котораго, послѣ весьма непродолжительнаго времени, сослали въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ онъ и умеръ въ 1799 году, будучи уже дряхлымъ старцемъ.

Но обратимся къ основателю секты, Селиванову, который не вдругъ попался въ руки агентовъ коммиссіи, присланной въ Тулу для преслѣдованія и наказанія скопческихъ „лже-христовъ" и „лже-пророковъ." Селивановъ нашелъ возможнымъ скрываться около мѣсяца отъ своихъ преслѣдователей, но наконецъ былъ найденъ въ подпольѣ у „жены-грѣшницы" (какъ называютъ ее скопцы) Ѳедосьи Іевлевой, посланными для того солдатами, которые схватили его за волосы, вытащили изъ подполья и, исколотивъ до полусмерти, связали по рукамъ и по ногамъ и представили по начальству. При допросѣ, въ коммиссіи, Селиванова истязали по старому порядку и пытали, для того въ особенности, чтобы узнать „кто онъ"; но пытки и истязанія не повели ни къ чему, такъ какъ Селивановъ, какъ оказалось впослѣдствіи, не высказалъ ни слова правды при допросѣ. Лже-христа изъ Тулы отправили въ Тамбовъ, а оттуда въ Сосновку — мѣсто его преступленій — гдѣ онъ былъ наказанъ кнутомъ черезъ палача. *) Изъ Сосновки его повели,

*) Въ Сосновкѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ Селивановъ былъ наказанъ кнутомъ, выстроена была скопцами деревянная церковь во Имя Благовѣщенія Пресв. Богородицы. Церковь эта сгорѣла въ 1816 году, но на ея мѣстѣ, и по сіе время, находится каменная часовня.

„на канатѣ“, въ Иркутскъ, куда онъ шелъ съ прочими ссыльными, цѣлыхъ „полтора года“,

Съ 1776 года по 1795. Селивановъ оставался въ Иркутскѣ, куда тамбовская скопческая „богородица“, Анна Сафоновна, отправила къ нему депутацію, состоявшую изъ „моршанскаго“ *) купца Алексѣя Тарасьевича и мѣщанина Марка Карповича. Депутаты должны были уговорить „лже-христа“ къ побѣгу изъ Иркутска; но Селивановъ не согласился на это, хотя и былъ на свободѣ, говоря, что не пришло еще время, что онъ не долго останется въ ссылкѣ и что скоро увидитъ своихъ „вѣрныхъ дѣтушекъ“ въ Питерѣ.

По поводу этого событія, скопцы сложили слѣдующую „духовную пѣсню“ о лже искупителѣ, въ которой между прочимъ разсказывается и разговоръ, происходившій, будто бы, между искупителемъ и императоромъ Павломъ Петровичемъ“:

„Оставилъ столичные грады,
Оставилъ Питеръ, Москву,
Оставилъ Грановитыя Палаты,
И всѣ Мраморные Дворцы,
И высокій свой тронъ,
Переставъ ростить на немъ“.
. . . . . .
. . . . . .
„Святымъ Духомъ заблажилъ,
Про Отца Царю доложилъ:

*) Моршанскъ всегда былъ „роднымъ“ городомъ для скопцевъ

— Онъ не умеръ, вѣдь онъ живъ;
Во Иркутскѣ все блажилъ,
Сорокъ лѣтъ страдалъ онъ, жилъ! —
А Царь сердцемъ встрепенулся,
На отца онъ ужаснулся;
И заплакалъ, затужилъ,
Всѣ собранья нарушилъ:
Послалъ скораго гонца
Отыскать своево отца,
Чтобъ представить бы въ Столицу,
Со Иркутской со границы.
Скоро это сотворилъ,
Къ отцу двери растворилъ,
Онъ вошелъ со бурнымъ духомъ
И самъ гордо говорилъ:
— „Сотворю волю мою!
Теперь я имѣю власть:
Возведу тебя на тронъ,
Отдамъ скипетръ и вѣнецъ,
Если только мой отецъ“! —
Нашъ батюшка искупитель
Глаголалъ слово съ высоты:
„Что грѣху я не отецъ,
Разорить пришелъ въ конецъ;
Чистоту буду любить,
Грѣхъ хочу весь порубить;
А во праведной семьѣ
Буду въ трубушку трубить,

Всѣхъ поставить, утвердить“.
А Царь крѣпко осерчалъ,
Забылъ первый свой началъ,
Пошелъ, очень закричалъ,
Затворилъ онъ крѣпко двери:
— „Не хочу быть въ твоей вѣрѣ,
А за этотъ за смѣшокъ
Пошлю въ каменный мѣшокъ!“ —
Нашъ батюшка искуситель
Кроткимъ гласомъ провѣщалъ:
— О! я бы Павлушку простилъ!
Воротись ко мнѣ ты, Павелъ,
Я бы жизнь твою исправилъ!“ —
А Царь гордо отвѣчалъ,
Божества не замѣчалъ;
Не сталъ слушать и ушелъ... *).

Ни оффиціальными, ни частными документами и свѣдѣніями не подтверждается фактъ свиданія Селиванова съ императоромъ Павломъ Петровичемъ. Пѣсня только что нами приведенная сложилась гораздо позже возвращенія Селиванова и его сподвижниковъ изъ Сибири и заключаетъ въ себѣ уже послѣдствія и тридцать новыхъ примѣсей и новыхъ прикладныхъ началъ скопче-

*) Списокъ этой пѣсни, которая находится у большей части скопцовъ и распѣвается, въ числѣ прочихъ пѣсенъ ихъ, былъ найденъ и отобранъ въ Петербургѣ, въ 1843 году, у скопца Мирона Данильчикова (унтеръ-офицера морской типографіи).

ства — началъ *самозванства*, которыя, въ былое время, вслѣдствіе крайняго невѣжества русскихъ народныхъ массъ, весьма удачно эксплуатировались разными бродягами-проходимцами, не задумывавшимися присвоивать себѣ имена императоровъ, зная хорошо, что народъ русскій преверженъ къ своимъ государямъ и готовъ жертвовать для нихъ всѣмъ на свѣтѣ.

Селивановъ, какъ видно изъ приведенной нами пѣсни, соединяетъ въ себѣ два существа — „батюшку искупителя“ и императора Петра III, — которые являются, въ пѣснѣ, предъ императоромъ Павломъ Петровичемъ, въ лицѣ Селиванова.

Пришла ли мысль, о самозванствѣ, самому Селиванову, или его послѣдователямъ — это, въ точности, до сихъ поръ неизвѣстно; но скорѣе можно предполагать, что самъ Селивановъ не выдавалъ себя за Петра III, и что нелѣпость отождествленія „лже-искупителя“ съ императоромъ Петромъ III, явившимся на землю въ образѣ бѣднаго крестьянина Селиванова, зародилась въ умахъ послѣдователей скопческаго іереси́арха, которые нашли нужнымъ приплесть, къ своимъ бреднямъ, политическій элементъ, ради вящаго успѣха своей пропаганды, въ средѣ невѣжественныхъ народныхъ массъ.

Послѣ допроса возвращенныхъ изъ Сибири скопцовъ, императоръ Павелъ Петровичъ взглянулъ на ихъ ученіе какъ на послѣдствіе умственнаго разстройства, какъ на признаки яснаго сумашествія, и вслѣдствіе сего основатель секты, Селивановъ, былъ отправленъ, для

содержанія и пользованія въ отдѣленіе сумашедшихъ при петербургской Обуховской больницѣ.

Селивановъ содержался въ отдѣленіи одержимыхъ душевною болѣзнію до восшествія на престолъ императора Александра Павловича, который позволилъ перемѣстить основателя скопческой ереси, изъ дома сумашедшихъ, въ городскую богадѣльню, находившуюся близъ Смольнаго монастыря.

Замѣчательно то обстоятелъство, что скопческій ересіархъ, основатель самой уродливой, безчеловѣчной секты — личность которая была враждебна не только христіанству, но и простымъ человѣскимъ чувствамъ самосохраненія — произведенъ былъ, въ богадѣльнѣ, въ рангъ неофиціальнаго церковнаго старосты и постоянно ходилъ, по богадѣленной церкви, въ праздничные дни, съ кружкой, для денежныхъ сборовъ съ православныхъ, которые собирались въ богадѣленную церковь.

Впрочемъ, въ богадѣльнѣ, Селивановъ оставался не долго: въ 1802 году онъ былъ освобожденъ по просьбѣ польскаго камергера, статскаго совѣтника скопца Елинскаго, который взялъ Селиванова на поруки, съ тѣмъ, чтобы *„содержать его въ благопристойности и ни до какихъ буйныхъ поступковъ не допускать“*.

Какъ скоро Селивановъ получилъ свободу, онъ нашелъ нужнымъ, приписавшись въ петербургскіе мѣщане, поселиться въ домѣ богатаго скопца, купца Ненастьева, откуда переѣхалъ, чрезъ короткое время, къ скопцу Андрею Кострову (тоже весьма богатому петербург-

скому купцу) и наконецъ перебрался къ знаменитому скопцу милліонеру Михайлу Солодовникову. Два первыхъ дома, въ которыхъ проживалъ Селивановъ, служили мѣстомъ сборищъ и радѣній скопцовъ, и называются, понынѣ, скопцами, „святыми обителями“, а третій домъ Солодовникова носитъ у нихъ названіе „дома Давида“ *).

Замѣчательно, что не смотря на претерпѣнныя Селивановымъ пытки, наказаніе кнутомъ и ссылку, онъ, тотчасъ по полученіи свободы, сталъ заниматься въ

---

*) Петербургскій купецъ-мѣняло, скопецъ *Григорьевъ*, украшенный такъ называемою *„царскою печатью“*, состоитъ по нынѣ владѣльцемъ „святихъ“ домовъ Кастрова и Солодовникова: онъ содержался по произведимому, въ послѣднее время, слѣдствію о скопцахъ, въ тюрьмѣ, но выпущенъ былъ на поруки. Кромѣ двухъ помянутыхъ домовъ, Григорьевъ обладаетъ весьма значительными помѣстьями въ сѣверной Фивляндіи и въ Новгородской губерніи. Нельзя не удивляться, что до сихъ поръ дома, о которыхъ мы говорили выше и которые составляютъ святыню и сборное мѣсто для скопцовъ, не куплены правительствомъ по городской оцѣнкѣ и не обращены подъ помѣщеніе какого-либо богоугоднаго заведенія, или школы, такъ точно, какъ это было сдѣлано въ Москвѣ, въ 1838 году, бывшимъ тамошнимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ княземъ Д. В. Голицынымъ, который всѣ раскольничьи дома, особенно чтимые сектантами, скупилъ и устроилъ въ нихъ богоугодныя заведенія. Дома эти составляютъ въ настоящее время собственность города Москвы. Допуская же постоянное пребываніе „въ святихъ скопческихъ обителяхъ“ такихъ вліятельныхъ ересіарховъ какимъ всегда былъ Григорьевъ (обладающій большими капиталами неоднократно спасавшими его отъ наказаній) естественно, что эти дома всегда останутся центральными пунктами для скопческихъ сборищъ и сатурналій.

Петербургѣ пропагандою своего дикаго ученія и оскопленіемъ, отъ котораго не мало жертвъ умирало подъ его неутомимымъ ножомъ. Изступленному изувѣрству „лже христа“ подлежали, въ приневской столицѣ, уже не одни солдаты и деревенскіе мужики и бабы, а лица, принадлежавшія къ среднему сословію военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ и духовенства.

Въ это, весьма льготное для Селиванова, время, въ Таврической губерніи было арестовано нѣсколько скопцовъ, занимавшихся довольно гласно своимъ любимымъ ремесломъ „очищенія“, т. е. оскопленія. При допросахъ, нѣкоторые изъ нихъ показали, что они считаютъ Селиванова не только „христомъ“, но и „императоромъ Петромъ III.“ Вслѣдствіе этихъ показаній, подлежащія петербургскія власти сильно были встревожены предстоящею возможностью, новымъ бродягамъ, пользоваться самозванствомъ, для произведенія волненій среди простаго русскаго народа, коснѣвшаго въ невѣжествѣ. Несмотря, однако же, на эту тревогу, съ Селивановымъ было поступлено *болѣе чемъ мягко*: его обязали только подпискою *„никого не оскоплять и не посылать своихъ пророковъ по губерніямъ.“*

Фактъ этотъ знаменателенъ въ томъ отношеніи, что указываетъ на силу громадныхъ матеріальныхъ средствъ, которыми обладали уже въ то время скопцы, сплотившіеся въ твердо-организованную общину, имѣвшую и свои уставы, и своихъ правителей, и своихъ смѣлыхъ вѣрныхъ агентовъ, знавшихъ хорошо, что

деньги въ силахъ *успокоить* даже *безпокойство*. основанное на положительныхъ, неопровержимыхъ данныхъ, имѣющихъ полное право вызывать не пальятивныя а радикальныя мѣры со стороны безпокоющихся.

Но, такъ или иначе, а Селивановъ, не смотря на отобранную у него подписку, продолжалъ рѣзать всѣхъ, кто попадался ему подъ руку и сверхъ того, согласился съ мнѣніемъ сектантовъ, которые нашли нужнымъ прибавить къ его титулу „христа“ титулъ „царя“.

Нельзя себѣ представить до какого неистовства доходили скопцы, стекавшіеся сотнями въ моленную Селиванова (нынѣ Григорьева, въ Знаменской улицѣ). Домъ этотъ составлялъ нѣчто въ родѣ крѣпости: онъ былъ обнесенъ высокою каменною стѣною и у воротъ его дежурили день и ночь, поочередно, скопцы изъ отставныхъ солдатъ, дабы не допускать „въ благословенную церковь іудеевъ и фарисеевъ“ (православныхъ и полицейскихъ). Скопцы, желавшіе лицезрѣть лже-искупителя своего, были опрашиваемы у воротъ тѣлохранителями „живаго бога искупителя, Петра III тожъ.“

Самъ Селивановъ жилъ въ верхнемъ этажѣ дома Солодовникова, а въ нижнемъ помѣщалась моленная. Тѣ изъ скопцовъ, которые имѣли счастье быть причисленными къ прихожанамъ дома Солодовникова, считали себя главными и единственными „избранниками“, „первенцами отца искупителя.“

Корабль же Селиванова скопцы называютъ „царскимъ кораблемъ“, вѣрующимъ безусловно въ *двойное*

самозванство „государя-батюшки“. Остальные корабли назывались тогдашними скопцами Селивановской общины „легкими лодочками“, допущенными прицѣпиться къ „царскому кораблю“, управляемому „кормчимъ“, который есть „богъ богамъ и царь царямъ.

Моленная Солодовниковскаго дома, занимавшая обширное помѣщеніе, раздѣлялась перегородкою до потолка, на двѣ части — въ одной находились женщины, въ другой мущины *). На потолкѣ находилось изобра-

*) Впослѣдствіи, на такъ называемыхъ, *„полныхъ* скопческихъ соборахъ“, скопцы и скопчихи не раздѣлялись между собою перегородкою, на томъ основаніи, что по изрѣченію Апостола (Посл. къ Гал. 28) „нѣсть мужескій полъ, ни женскій, вси-бо едино о Христѣ Іисусѣ“. При скопческихъ сборищахъ, мужчины надѣваютъ весьма длинныя и широкія бѣлыя рубашки и портки, а женщины бѣлыя рубашки, или синія ситцевыя платья, или наконецъ китайчатые, тоже синіе, сарафаны. Какъ женщины, такъ и мужчины, являются въ моленную босикомъ, держа въ рукахъ платокъ или полотенцо, носящіе названіе „покрова“. Мужчины садятся, или за недостаткомъ лавокъ становятся, по правую сторону, а женщины по лѣвую сторону. По прибытіи главнаго учителя, садящагося на кресло, поставленное на возвышеніи, устроенномъ посреди моленной, всѣ присутствующіе, хоромъ, тянутъ слѣдующую такъ называемую „начальную молитву“:

„Дай намъ Господи, къ намъ
Іисуса Христа!
Дай намъ Сынъ Божій,
Свѣтъ помилуй насъ!
Сударь Духъ Святой,
Свѣтъ помилуй насъ!
Охъ ты Матушка
Свѣтъ Помощница,
Пресвятая свѣтъ

женіе всевидящаго ока, а по стѣнамъ образа въ драгоцѣнныхъ ризахъ и серебрянныя лампады и паникадилы. Посреди мужскаго и женскаго отдѣленія, возвышался тронъ, или „престолъ живаго Бога“, на который садился Селивановъ тогда, когда вся община его была въ полномъ сборѣ. При появленія Селиванова, скопцы и скопчихи восклицали: „катитъ нашъ батюшка, катитъ сынъ божій!“, и затѣмъ распростершись на землю пѣли, гнуся, слѣдующую пѣсню:

Царство ты, царство, духовное царство!
Въ тебѣ, въ царствѣ, благодать великая,
Праведные люди въ тебѣ пребываютъ.
Они въ тебѣ живутъ и не унываютъ,

Богородица!
Упроси, свѣтъ, объ насъ
Свѣта Сына твоего
Бога нашего!
Свѣтъ тобой мы спасены
На сырой на землѣ,
На матушкѣ,
На сударынѣ
На кормилицѣ!

Пѣсня эта имѣетъ нѣсколько варіантовъ. Мы передаемъ ее въ томъ видѣ, какъ она была записана профессоромъ Н. И. Надеждинымъ, со словъ скопца Будылина. Въ 1844 или 1843 году, авторъ настоящей брошюры случайно купилъ въ Москвѣ, на воскресномъ рынкѣ у Сухаревой башни, цѣлую тетрадь рукописныхъ пѣсенъ и молитвъ, безграмотно писанныхъ, которыя были сообщены имъ покойному Н. И. Надеждину. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ и молитвъ оказались, по сличенію съ имѣвшимися у Надеждина, безъ всякихъ измѣненій, а другія съ многочисленными варіантами, принадлежавшими очевидно перу и поэтической фантазіи переписчиковъ.

Надежду на батюшку они полагаютъ.
На Святаго Духа крѣпко уповаютъ,
Другъ они съ другомъ въ любви пребываютъ,
Праведные вѣрныхъ своихъ не оставляютъ,
На вѣчное житіе мѣста припасаютъ, и пр.

Въ то время, когда „дѣтушки“ Селиванова исполняли этотъ вокальный концертъ, самъ Селивановъ, или сидѣлъ на своемъ громадномъ престолѣ, или ложился на немъ обложенный подушками. Костюмъ „живаго бога“ былъ слѣдующій: на головѣ колпакъ, на ногахъ красные сафьянные сапоги, на плечахъ — богатый шелковый халатъ, который служилъ ему постоянной верхней одеждой.

Когда пѣніе оканчивалось, „лже-искупитель“ благословлялъ „своихъ дѣтушекъ“ обѣими руками, и произносилъ слова: „милость, милость, покровъ, покровъ, покровъ!“ Это означало, что „живой богъ“ явился среди своей паствы. Послѣ благословенія, Селивановъ, по большей части, удалялся въ свои комнаты, наверьхъ, такъ какъ по дряхлости своей не могъ уже принимать участія въ радѣніяхъ; что же касается до пророчествъ, то онъ предпочиталъ поручать это дѣло состоящимъ при его кораблѣ пророкамъ и пророчицамъ *), такъ

*) Главными пророками „царскаго корабля“ Селиванова были мѣщане Кирилъ Прокофьевъ и Исай Ильинъ, а пророчицею крестьянка Елена Савельева. Какъ пророки, такъ и пророчицы „царскаго корабля“ нажили себѣ немало денегъ отъ своихъ при-

какъ самъ говорилъ оченъ нескладно и былъ безграмотенъ. Селивановъ, когда находилъ нужнымъ *лично* бесѣдовать съ будущими своими жертвами, или съ *богатыми* вѣрующими (на деньги которыхъ онъ разсчитывалъ), дѣлалъ это у себя въ комнатахъ, глазъ на глазъ, и притомъ въ самыхъ краткихъ выраженіяхъ, неимѣвшихъ, въ сущности, никакого смысла, въ родѣ того, какъ дѣлалъ свои предсказанія знаменитый московскій юродивый Иванъ Яковкевичъ Корейша, память котораго до сихъ поръ чтится ханжами первопрестольной.

По окончаніи пророчествъ въ моленной, Селивановъ появлялся вновь къ своимъ „дѣтушкамъ“ и раздавалъ имъ: свои волосы отъ головы и бороды, обрѣзки своихъ ногтей, лоскутки своего бѣлья, платки, осьмиконечные кресты, и даже мыльную воду, остававшуюся послѣ его умыванья. Все это принималось, отъ „лже-искупителя“, съ особеннымъ благоговѣніемъ и считается до сихъ поръ скопцами святынею, обладающею сверхъестественною силою.

Селивановъ, въ теченіе 18 лѣтъ, былъ на свободѣ и безнаказанно занимался разыгрываніемъ роли „живаго бога“, „христа искупителя“ и „царя Петра III.“ Даже, когда подлежащія власти убѣдились, что онъ положительно выдаетъ себя за государя Петра III, то и тутъ

хожанъ. По показаніямъ, отобраннымъ въ 1843—44 годахъ отъ скопцовъ, пророчица Савельева, когда отправилась изъ Петербурга къ себѣ въ деревню пять подводъ.

Селиванова оставили въ покоѣ, такъ какъ его *„по дряхлости и по слабости здоровья“*, признали *„неспособнымъ оказывать никакой дѣятельности въ распространеніи скопчества“* Близкіе же пособники Селиванова, *Кобелевъ, Григорьевъ и Ильинъ*, были отправлены въ заточеніе въ Соловецкій монастырь, о чемъ *„для вразумленія“* было объявлено петербургскимъ скопцамъ, въ присутствіи „живаго бога.“

Наконецъ, только въ 1820 году, нашли нужнымъ принять болѣе радикальныя мѣры для прекращенія неистовствъ, совершавшихся слишкомъ явно членами скопческой петербургской общины. Учреждена была, по высочайшему повелѣнію, особая коммиссія, состоявшая изъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, которая взглянула на скопческую пропаганду весьма серьозно. По распоряженію коммиссіи, не смотря на сильную протекцію и значительныя взятки, которыя были розданы разнымъ вліятельнымъ лицамъ, 7 іюля 1820 г. Селивановъ былъ арестованъ самимъ петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ и отправленъ *на вѣчное заточеніе* въ Суздальскій монастырь, гдѣ и умеръ въ 1832 году, будучи *столѣтнимъ* старикомъ и окончательно выжившъ изъ ума *). Его похоронили въ монастырскомъ саду, близъ Николаевской церкви.

---

*) Въ Суздальскомъ монастырѣ, Селиванову отвели удобную, весьма теплую, келью и онъ пользовался всѣми удобствами жизни: ему не отказывали ни въ чемъ, за исключеніемъ свиданій съ скопцами.

По случаю высылки Селиванова изъ Петербурга, скопцы сложили слѣдующую кантату, которую поютъ на своихъ „бесѣдахъ“:

Какъ у насъ было на свѣтѣ,
Во матушкѣ во Россіи,
Въ Петербургскомъ сінодѣ,
Сенаторы съѣзжались,
Всяки враны солетались,
Они думали — гадали,
Совѣтъ въ тайный укладали,
Указушки сочиняли,
Указушки не простые,
Не простые — слѣдовые
Объ батюшкѣ объ родимомъ,
Что-бъ взять его со престола
Съ Петербургскаго святаго,
Что-бъ отдать его въ засаду,
Въ славномъ Суздалѣ, во градѣ,
Во спасскимъ монастырѣ.
Скоро вздумали — взгадали
Указушки сочинили,
Изготовили карету,
Покатили къ нему, свѣту,
Его забрали къ отвѣту.
Нашъ батюшка не устрашился,
Со Святымъ Духомъ согласился,
На вселенную взглянулъ
И дѣтушекъ вспомянулъ.

Въ теченіе 11 лѣтнаго содержанія Селиванова въ Суздальскомъ монастырѣ, скопцы всячески старались сноситься со своимъ „живымъ богомъ“. Неоднократно посылались къ нему изъ Петербурга депутаты, съ цѣлію проникнуть въ келію „лже-искупителя“ и „царя батюшки“, но всѣ попытки скопцовъ остались безъ результата, потому что тогдашній архимандритъ Суздальскаго монастыря, Парфеній, оказался человѣкомъ неподкупнымъ, на котораго не подѣйствовали ни просьбы, ни деньги петербургскаго скопца и милліонера Солодовникова, явившагося *первымъ*, по прибытіи Селиванова въ Суздаль, чтобъ „повидаться съ искупителемъ и принять отъ него благословеніе“.

Освобожденіе Селиванова изъ заточенія составляло задушевную мечту петербургскихъ и московскихъ скопцовъ; тотчасъ сложилась и пѣсня по этому случаю:

Ужъ какъ намъ быть
По синю морю плыть
Супротивъ волны.
Мы напишемъ просьбу
На большемъ листѣ,
Подадимъ ее Царю-батюшкѣ
За христа, сударь, искупителя.
И Святаго Духа утѣшителя.
Не рыдай наша *Глава*
Будетъ слава не мала,
Не печалься ты, нашъ Спасъ,
Прославятъ твой коностасъ.

Пріидетъ *святая недѣля,*
Пришлетъ царь тебѣ указъ,
Онъ и дастъ тебѣ отраду,
Слободитъ изъ этого (Суздаля) граду.

Но *святая недѣля* не пришла и Селивановъ освобожденъ не былъ.

Продолжительная безнаказанность, въ Петербургѣ, скопческихъ сатурналій, до такой степени обнадеживала главныхъ фанатиковъ скопчества, что одинъ изъ нихъ, а именно мѣщанинъ *Семенъ Кононовъ,* вскорѣ по высылкѣ Селиванова въ Суздаль, подавалъ неоднократно Государю Александру Павловичу просьбы *„о возвращеніи въ С. Петербургъ отца искупителя."* Не смотря на то, что послѣ третьяго прошенія на Высочайшее имя, поданнаго по тому же предмету, Кононовъ былъ сосланъ въ Соловки, скопецъ-милліонеръ Солодовниковъ, въ 1823 году, подалъ въ свою очередь просьбу Государю, объ освобожденіи и возвращеніи *добраго пастыря,* полагающаго и самую жизнь за избранныхъ своихъ, отца и учителя, *благовѣствованіемъ его* (Солодовникова) родившаго. За это прошеніе, Солодовниковъ небылъ высланъ, такъ какъ трудно вообще, а тѣмъ труднѣе было тогда, подвергать явному преслѣдованію владѣльца милліоновъ, находящагося въ самойтѣсной дружбѣ со всѣми власть имѣющими.

По смерти Селиванова, скопцы распространили молву что онъ воскресъ, и до сихъ поръ является къ *избраннымъ,* чтобъ сообщить свою волю. Не существуетъ въ

Россіи ни одного скопческаго „корабля,“ въ которомъ бы не раздавались слова слѣдущей пѣсни, повѣствующей о второмъ пришествіи „живаго бога“ Селиванова:

„Отъ бѣлой зари, съ утра ранняго,
Отъ востока отъ Иркутскова
Выкатило къ намъ наше солнышко,
Красно солнышко, сударь-батюшка,
Сударь-батюшка, Искупитель-свѣтъ.
Выкатилъ онъ къ намъ яснымъ соколомъ,
Полныхъ духъ-святый кораблемъ плыветъ,
Разодѣтъ онъ въ ризу бѣлую,
Кораблемъ правитъ второй сынъ его.
Знамя держитъ матерь-божія,
Присвятая свѣтъ Богородица.
Въ кораблѣ мачта — полный Духъ Святой,
Грома страшнаго, преужасняго.
Огонь-полымя, жарка молынья.
Въ кораблѣ сила несчетная
Милліонами, билліонами:
Бѣлы голуби летятъ тучами,
Всѣ они за крестъ мучимы,
Всѣ скопцы—купцы русскіе,
Милліонщики знаменитые,
Знамена несутъ, кандалы трясутъ,
Въ колкола звонятъ, сокола зовутъ,
И соколъ летитъ, Духъ Святой катитъ
Съ награжденіемъ за страданіе:
Злата, серебра, крупна жемчугу

И съ пресвѣтлыми діамантами“.

Въ предшествовавшемъ очеркѣ, мы старались, въ возможно сжатой формѣ, изложить исторію основанія скопческой секты, а также біографіи лицъ, стоявшихъ въ началѣ ея устройства воглавѣ баснословно-дикаго „общества“, существующаго въ Россіи и до сихъ поръ, не взирая ни на то, что правительство, въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ, относилось къ скопчеству не такъ снисходительно какъ въ былое время, ни на сравнительно-меньшее невѣжество той живой среды, на которую наиболѣе вліяютъ всякія бредни. Для большей ясности, для большаго ознакомленія читателей съ скопческимъ сонмомъ главныхъ боговъ и святыхъ, современныхъ Селиванову, считаемъ нелишнимъ перечислить ихъ имена и оффиціальныя должности ими занимаемыя въ небесно-земномъ штатѣ:

1) *Селиванов* — „богъ“ и съ этимъ вмѣстѣ „сынъ божій, искупитель“ и „Царь-батюшка Петръ Ѳедоровичъ.“

2) *Шилов* (другъ и наперсникъ Селиванова)—„предтеча“. Въ скопческой мифологіи, его величаютъ также *княземъ Дашковымъ* (который сопутствовалъ лже-Петру III въ бѣгствѣ и скитальчествѣ), *графомъ Иваномъ Григорьевичемъ Чернышевымъ* и *инженернымъ полковникомъ.*

3) *Акулина Ивиновна*, „матушка-помощница, владычица и царица небесная“. Съ этимъ вмѣстѣ скопцы выдавали ее и за императрицу Елисавету Петровну.

4) *Анна Сафоновна*— вторая „богородица“, она же

„дѣвица рѣдкой красоты“. Ей отдавались скопцами „божескія почести“ и она выдавала еще себя за великую княжну Анну Ѳедоровну, супругу покойнаго великаго князя Константина Павловича.

Перечисленіе именъ скопческихъ второстепенныхъ лже-пророчицъ заняло бы слишкомъ много мѣста, такъ какъ при каждомъ скопческомъ кораблѣ состояло и состоитъ до сихъ поръ по нѣскольку „пророчицъ“, болѣе или менѣе вліятельныхъ, болѣе или менѣе способныхъ обирать легковѣрныхъ невѣждъ, поддающихся ихъ дикому ученію и раскошеливающихся въ пользу ловкихъ пройдохъ, расчитывающихъ на слабоуміе своихъ жертвъ.

Къ сожалѣнію, не одни низшіе классы общества подвергались вліянію скопцовъ изувѣровъ: къ сонму скопцовъ причислялись съ особеннымъ фанатизмомъ и даже *экстазомъ*, люди, которые, по своему происхожденію, должны были бы, какъ кажется, обладать такою степенью умственнаго развитія, которая должна была бы избавить ихъ отъ всякой возможности попасть въ число адептовъ этой уродливой и безумной секты. Для того, чтобы указать грустное положеніе умственнаго и нравственнаго уровня русскаго общества въ началѣ нынѣшняго столѣтія, приведемъ имена *„благородныхъ лицъ“*, поступившихъ *добровольно* въ число *скопцовъ* и имѣвшихъ громадное вліяніе на развитіе секты, составляющей явленіе, не дѣлающее чести русскому обществу и русскому народному смыслу. Вотъ списокъ (далеко не полный) этихъ

лицъ, сообщенный, *по оффиціальнымъ источникамъ,* профессоромъ Н. И. Надеждинымъ, въ запискѣ его „Изслѣдованія о скопческой ереси", которая, къ сожалѣнію, была напечатана въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, *исключительно для лицъ высоко поставленныхъ:*

1) Статскій совѣтникъ и польскій камергеръ *Елинскій.* 2)Маіоръ *Ефимовъ,* смотритель военнаго госпиталя на Кавказѣ. 3) Казначей Императорской Академіи Художествъ 8-го класса *Воробьевъ.* 4) Капитанъ *Самойловъ,* который нетолько самъ занимался оскопленіемъ, но и заставлялъ заниматься тѣмъ-же свою жену. 5) Капитанъ *Степановъ;* 6) Штабсъ-капитанъ *Сазановичъ;* 7) Шт.-кап. *Невѣровъ;* 8) Тит. сов. *Никифоровъ;* 9) Придворный метрдотель *Петровъ;* 10) Смотритель гатч. казармъ губ. секр. *Пищулинъ;* 11) Губ. секр. *Крюковъ;* 12) Чиновникъ 12 класа *Фокинъ;* 13) Подпоручикъ *Царенко;* 14) Подпоручикъ *Семеновъ;* 15) Прапорщикъ *Кузнецовъ;* 16) Прапорщ. *Домовъ;* 17) Колл. рег. *Митинъ;* 18) Колл. рег. *Андреевъ;* 19) 14-класса *Куликовъ;* 20) 14 кл. *Васильевъ;* 21) Царскосельскій казначей *Пищулинъ;* 22) Братъ его, чиновн. 14 кл. *Пищулинъ;* 23) Дворянинъ Степанъ *Звягинцевъ* и 24) Іеромонахъ Пет. губ., Зеленецкаго монастыря *Корнилій.*

Разсадникомъ скопческой секты служили и служатъ, пограничныя съ Москвою, губерніи и оттуда снабжаются послѣдователями скопчества; обѣ русскія столицы, въ настоящее время, составляютъ, едва-ли, не метрополію скопчества, не взирая на то, что скопцы преслѣдуются,

не только вслѣдствіе ихъ дѣйствительнаго вреда для общества, но и потому, что преслѣдованіе ихъ составляетъ *доходную статью* для открывателей *). Доказательствомъ тому, что скопческая секта, *какъ община,* ловко избѣгаетъ каръ и преслѣдованій и не трепещетъ предъ властями, служитъ уже то обстоятельство, что скопческая пропаганда находила обширное поле для своей дѣятельности не въ заходустьяхъ, не въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Россіи, не въ недоступныхъ административнымъ и инымъ преслѣдованіямъ пунктахъ, а въ большей части центральныхъ и приволжскихъ губерній, какъ напримѣръ: Ярославская, Калужская, Костромская, Тульская, Рязанская Орловская, Саратовская, Симбирская Курская и друг.; а главными для себя митрополіями, какъ сказано выше, скопчество избрало обѣ столицы имперіи.

Еще до смерти Селиванова, скопческая ересь, вслѣд-

---

*) Для разслѣдованія и открытія скопческихъ преступленій является всегда бездна охотниковъ, которые, по прошествіи извѣстнаго времени, изъ нищихъ, дѣлаются людьми *состоятельными.* Это объясняется весьма просто: отъ хотѣнія и произвола одного лица зависитъ иногда подвергнуть любаго скопца тюремному заключенію и всякимъ мытарствамъ. Въ сущности, ни прокурорская власть, ни администрація не достигнутъ своей цѣли преслѣдованіемъ *единичныхъ* личностей изъ скопцовъ, какъ бы эти личности ни казались крупными, по своимъ значительнымъ капиталамъ. Капиталы скопцовъ чрезвычайно быстро переходятъ изъ рукъ въ руки и ихъ трудно отыскивать у тѣхъ, которые попали подъ слѣдствіе и судъ. Для уничтоженія скопчества необходимы *общія радикальныя мѣры* и возможно зоркое наблюденіе, со стороны высшихъ властей, за дѣйствіями второстепенныхъ агентовъ.

ствіе разногласій, имѣвшихъ основаніемъ, по преимуществу, не религіозные, а матеріальные интересы—распалась на разные такъ называемые „толки“. Селивановъ, какъ человѣкъ весьма хитрый и ловкій, старался примирить эти толки, съ цѣлію главенствовать надъ большимъ количествомъ кораблей: онъ даже не погнушался входить въ примирительные переговоры съ хлыстами, которые, какъ мы указывали выше, были его злѣйшими врагами и главными виновниками его арестованія; но попытки Селиванова не увѣнчались успѣхомъ, не смотря на хлыстовско-скопческій соборъ, бывшій въ началѣ прошедшаго столѣтія. Соборъ этотъ окончился тѣмъ, что представители скопцовъ сильно поругались съ представителями хлыстовъ и за симъ вступили между собою въ рукопашный бой, имѣвшій весьма плачевное послѣдствіе для одного изъ хлыстовскихъ учителей, которому какой-то скопческій іересіархъ выбилъ глазъ. Когда Селивановъ былъ уже на апогеѣ своей славы и величія, хлыстъ Фирсовъ, прибывъ въ Петербургъ, для свиданія съ Селивановымъ, предложилъ главное духовное начальство надъ своимъ кораблемъ знаменитому основателю скопческой секты, на что Селивановъ согласился съ удовольствіемъ; но Фирсовъ и члены подвластнаго ему корабля не признали Селиванова, ни императоромъ Петромъ III, ни Христомъ. Селивановъ, около 1800 года, велъ тоже переписку съ хлыстомъ костромскаго корабля, священникомъ Иваномъ Сергѣевымъ (въ послѣдствіи вновь обратившимся къ православію) и успѣлъ

склонить корабль Сергѣева въ свою пользу; но корабль этотъ, признавъ бродягу Селиванова Христомъ, не согласился признавать его въ тоже время и Петромъ III. Въ 1828 году, въ Харьковской губерніи, открыли новую секту, соединявшую ученіе скопческое съ ученіемъ малакановъ. Основателемъ этой секты былъ какой то крестьянинъ, называвшій себя пророкомъ. Причастіе малакановъ-скопцовъ совершалось не такъ, какъ у вѣрныхъ послѣдователей Селиванова *): они наливали въ *мѣдный* тазъ воду, засимъ погружали въ эту воду *мѣдный*-же крестъ, съ пѣніемъ „во Іорданѣ крещающася“ и потомъ уже пили воду, которую называли „настоящимъ причастіемъ“, причемъ пѣли: „тѣло Христово пріимите“.

Кромѣ названныхъ толковъ скопческой ереси, существовало, и до сихъ поръ существуетъ, множество другихъ, какъ напримѣръ: „скопцы-псы“, „перевертыши“ „куткинцы“ и проч.

---

*) Причащеніе скопцовъ дѣлается такъ: послѣ моленья, братьямъ и сестрамъ, главнымъ учителемъ раздаются кусочки чернаго и бѣлаго хлѣба съ крестообразными надрѣзами, или калачики въ родѣ барапокъ Кромѣ того, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, скопцы причащаются кровью, собранною въ сосудъ, послѣ оскопленія младенцевъ. Что же касается до разсказовъ гг. Мельникова и Кельсіева о томъ, что будто-бы скопцы причащаются *горячею кровью* закалываемаго ими *копьемъ* ребенка, сушатъ затѣмъ его тѣло и превращаютъ въ порошокъ, изъ котораго пекутъ хлѣбъ, то повѣствованіе это принадлежитъ положительно къ области фантазіи, составляетъ нелѣпую сказку и не подтверждается никакими фактами, никакими свидѣтельствами и показаніями.

По заточеніи Селиванова въ Суздаль и послѣ его смерти, центромъ управленія скопческаго братства остался Петербургъ; Суздаль-же превратился въ скопческую Мекку. Бразды правленія надъ общиной, разсѣянной по разнымъ мѣстностямъ обширнаго нашего отечества, захватилъ себѣ въ руки скопецъ *Царевъ*, петербургскій купецъ, управлявшій домомъ Глазунова. Онъ устроилъ у себя моленную, въ которую собирались всѣ какъ петербургскіе, такъ и пріѣзжіе скопцы для молитвы, бесѣды и „радѣній“. Изъ Царевской моленной посылались, въ разные концы Россіи, миссіонеры и пророки, которые тамъ-же снабжались иногда и фальшивыми паспортами для своихъ путешевствій. Кромѣ паспорта оффиціальнаго, каждый изъ миссіонеровъ и пророковъ получалъ еще *особый* паспортъ, писанный полууставомъ, съ двумя печатями, въ срединѣ которыхъ находилось изображеніе осьмиконечнаго креста; вокругъ печатей была слѣдующая надпись: „Печать Всевышняго Творца, Бога и Отца и Святаго Духа неба и земли Вседержителя“ *). Въ

*) Вотъ текстъ скопческаго паспорта:

„Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой кого ся убою? Господь защититель живота моего отъ кого ся устрашу?“

„Данъ сей паспортъ отъ града вышняго, великаго Царя Спасителя, небу и земли Вседержителя. Отпустилъ мя на волю во вѣки. Всевышній Господинъ и Создатель Богъ одинъ. И приложено множество святыхъ рукъ — еже бѣ боятися Бога и творити Его волю. А занамѣренъ въ пути ревности, чтобы по Бозѣ идти и не имѣть лѣности; идти правымъ путемъ о Христе; чтобъ не удержали бѣсы раба Божія нигдѣ. А кто вѣры раби погонитъ,

той-же Царевской моленной производилось оскопленіе, которое особенно успѣшно совершалось надъ малолѣтними и несовершеннолѣтними дѣтьми, попадавшими въ руки Царева и его вѣрныхъ помощниковъ.

До 1843 года Царевская моленная существовала преблагополучно — былъ постоянный приливъ какъ жертвъ такъ и капиталовъ, а слѣдовательно дѣла моленной находились въ цвѣтущемъ положеніи. Петербургскіе скопцы почти позабыли о своихъ прошедшихъ невзгодахъ и о тѣхъ мытарствахъ, которымъ когда-то подвергался ихъ „живой богъ“, „искупитель“ и „царь-батюшка“. Но вдругъ грянулъ громъ надъ Царевской моленной и надъ собиравшимися въ ней „братьями“ и „сестрами“: пристанище скопцовъ было открыто администраціей, семь скопцовъ уличено и кромѣ того отыскано *сто* скопцовъ, которые, до того времени, вовсе не значились въ оффиціальныхъ спискахъ, и болѣе 300 скопцовъ выслано изъ Петербурга, въ числѣ которыхъ были богачи того времени и чиновники.

Разгромъ не миновалъ скопцовъ и первопрестольной столицы нашей: въ Москвѣ ихъ тоже стали преслѣдовать и отыскали тѣхъ изъ нихъ, которые не значились въ числѣ обывателей бѣлокаменной. Въ то-же время открыты скопческія общины въ губерніяхъ: Ор-

---

тѣмъ въ геену себя готовитъ, а ежели сего не буду наблюдать то много буду плакать и рыдать.“

„О упованіе наше Богъ, и прибѣжище наше Христосъ, и покровитель есть Духъ Святый. Аминь.“

ловской, Рязанской, Ярославской, Псковской, Смоленской и въ Ригѣ.

Скопцы видя, что дѣла ихъ принимаютъ крайне для нихъ грустный оборотъ, вдругъ превратились положительно въ невинныхъ агнцевъ и въ самыхъ ярыхъ приверженцевъ православія: они стали жертвовать на украшеніе петербургскихъ церквей и на бого-угодныя дѣла весьма значительные капиталы, которые открыли даже нѣкоторымъ изъ нихъ путь къ полученію различныхъ наградъ.

Коммисія, учрежденная въ 1843 году „для разбора петербургскихъ скопцовъ“ *) нагнала паническій страхъ

*) Въ передовой статьѣ газеты „Русскій Міръ“, (№ 335 1872 г.), толкующей о скопческой сектѣ a vol d'oiseau, сказано что „эта коммиссія была учреждена по Высочайшему повелѣнію и называлась „особою коммиссіею о скопцахъ“, и что труды этой коммиссіи не увѣнчались успѣхомъ, потому во первыхъ, что заподозрѣнные въ скопчествѣ, при прежнемъ порядкѣ судопроизводства, легко ускользали отъ наказанія, а во вторыхъ потому что вліятельные сектанты оставались, въ большинствѣ случаевъ въ сторонѣ.“ Все высказанное авторомъ помянутой передовой статьи совершенно невѣрно: коммиссія, о которой онъ говоритъ, учреждена была не по Высочайшему повелѣнію и называлась просто „коммиссіею для разбора петербургскихъ скопцовъ“; труды этой коммиссіи, проходившіе черезъ двѣ высшія инстанціи, увѣнчались полнымъ успѣхомъ и самые вліятельные и богатые скопцы не избѣжали наказанія. Коммисія, при этомъ, дала возможность, помощію открытыхъ и представленныхъ ею вещественныхъ доказательствъ, вполнѣ ознакомиться, какъ съ догматами скопческаго ученія, такъ и съ образомъ дѣйствій его послѣдователей. Мы, до сихъ поръ, не имѣли-бы такого богатаго историческаго свода матеріаловъ по скопческой ереси, если бы не труды коммиссіи, учрежденной покойнымъ графомъ Перовскимъ въ 1843 году, дав-

на послѣдователей селивановскаго ученія, въ особенности, когда они узнали, что откупаться деньгами, какъ въ старое время, не было никакой возможности, и когда они узрѣли раззореніе одного изъ главныхъ своихъ гнѣздъ въ Петербургѣ — царевской моленной. Ссылка Царева и множества изъ его сообщниковъ порвала нити, связывавшія петербургскую скопческую митрополію съ подвластными ей кораблями, сношеніе которыхъ, между собою, вдругъ сдѣлалось крайне задруднительнымъ. Все это заставило скопцовъ принять самыя энергическія мѣры для основанія одного или нѣсколькихъ новыхъ пунктовъ для централизаціи власти надъ раскиданными, на громадномъ пространствѣ Россіи, скопческими братствами, или кораблями. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого порядка вещей явилось вдругъ нѣсколько новыхъ лицъ, старавшихся стать во главѣ скопческаго управленія и занять мѣсто скопческихъ „владыкъ“ и „*батюшкиныхъ уполномоченныхъ*“. Кандидатами на эту должность, почти одновременно, явились: Зайцевъ, съ пророчицею Марфою Сильверстовною, Громовъ и Наумовъ.

Зайцевъ, Павелъ Ивановичъ, избралъ полемъ своей дѣятельности, сначала Курскую губернію и по преимуществу Бѣлгородъ, гдѣ онъ основался, но потомъ распространилъ этотъ раіонъ до Харькова. Онъ, помощью вѣрной своей помощницы, Марфы Сильверстовой, произведенной имъ въ рангъ пророчицы, объявилъ себя

шіе возможность извѣстному профессору Н. И. Надеждину составить свою записку, до сихъ поръ служащую единственнымъ основаніемъ всего того, что пишется о скопцахъ.

„верховнымъ наставникомъ“, утверждая, что получилъ на то „благословеніе отъ самого роднаго батюшки, отца искупителя, Петра III (т. е .отъ Селиваннова), который, будто-бы, послалъ его, Зайцева, управлять дѣтушками вмѣсто себя, а что самъ „батюшка“ (Селивановъ), явится между дѣтушками въ скоромъ времени“.

Вѣсть объ этомъ, вновь появившемся, „владыкѣ“ очень быстро распространилась между скопцами Курской губерніи, которые, натурально, стали приводить къ Зайцеву всѣхъ желавшихъ присоединиться къ скопчеству. Началась пропаганда самая дѣятельная. Въ особенности, подвизалась на этомъ поприщѣ Марѳа Сильвестровна, которая завела сношенія съ Харьковомъ, гдѣ нашла дѣятельнаго, для Зайцева, помощника, въ лицѣ скопца Ивана Ѳедорова Синицына, стоявшаго во главѣ харьковскихъ скопцовъ и располагавшаго уже довольно значительными матеріальными средствами. Когда Зайцевъ ѣздилъ изъ Бѣлгорода въ Харьковъ, то, на половинѣ пути, его встрѣчалъ Синицынъ съ братіею и отдавалъ ему разныя почести, какъ наперстнику Селиванова. Замѣчательно, что пророчица Марѳа, во время своихъ путешествій, по преимуществу находила пріютъ и ночлегъ въ монастыряхъ, въ которые отправлялась, будто-бы, на богомолье, но въ которыхъ, въ сущности, она занималась пропагандою, располагая монахинъ въ свою пользу, разными подарками и угощеніями. Къ счастью, петеребургская коммиссія очень скоро узнала о томъ, что совершалось въ Харьковѣ и Курскѣ и были приняты

энергичныя мѣры для уничтоженія попытокъ Зайцева. Сдѣланы были распоряженія объ арестованіи новаго іереіарха и его пророчицы, но какъ Зайцевъ, такъ и его вѣрная Марѳуша, вдругъ, безвѣстно куда, скрылись. Успѣвъ уже собрать себѣ кругленькій капиталецъ, обезпечившій ихъ дальнѣйшее существованіе, подъ другими, безъ сомнѣнія, именами и фальшивыми (или точнѣе оставшимися послѣ разныхъ умершихъ, не показанными таковыми) паспортами *).

Скопецъ *Громовъ,* почти въ одно время съ Зайцевымъ, вздумалъ выдавать себя за „уполномоченнаго отъ государя батюшки“ (Селиванова) и для своей пропаганды избралъ Костромскую губернію. Онъ успѣлъ привлечь къ себѣ нѣсколько десятковъ послѣдователей и принялся уже заниматься рѣзней, но скоро узналъ, что правительство обратило вниманіе на его подвиги и нашелъ нужнымъ бѣжать. Бѣгство его увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, такъ какъ онъ пропалъ безъ вѣсти, помощью обычнаго средства — фальшиваго паспорта и чужаго имени.

Андрей Никоновъ (отставной солдатъ, изъ крестьянъ Московской губерніи, Волоколамскаго уѣзда) повелъ свое дѣло успѣшнѣе Зайцева и Селиванова, когда тотъ

*) Мѣщанка Марѳа Сильверстовна извѣстна была у скопцовъ подъ названіемъ „дѣвки съ рыжей бородой“. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ долгое время спустя, оказалось, что она приписалась, послѣ своего бѣгства, въ орловскія мѣщанки, подъ именемъ Татьяны Петровой Сотниковой, и проживала въ полномъ счастьи и благополучіи, въ орловскомъ уѣздѣ, до своей смерти, послѣдовавшей въ 1846 году.

находился въ Петербургѣ. Онъ пользовался большимъ довѣріемъ лже-христа. Послѣдователи Никонова называли его „учителемъ и пророкомъ“, а самъ онъ величалъ себя „окомъ и повременнымъ намѣстникомъ“ Селиванова. Никоновъ поступилъ въ скопческую секту и былъ оскопленъ въ 1801 году, въ Москвѣ, находившимися тамъ въ то время орловскими скопцами. Когда Селивановъ былъ высланъ изъ Петербурга, Никоновъ принялъ на себя миссіонерскую обязанность, посвятивъ себя странствованіямъ по заходустьямъ разныхъ губерній, „проповѣди ради“. Долго скитался онъ по Россіи и неоднократно являлсявъ Суздалѣ, чтобъ повидаться съ „живымъ богомъ“ Селивановымъ, котораго, однакоже, ему не удалось лицезрѣть. Онъ только получилъ, какъ увѣрялъ, благословеніе Селиванова и просфору отъ лже-бога, чрезъ служителя послѣдняго, который передалъ ему, при этомъ, слѣдующія слова „искупителя:“ „передай отъ отца-искупителя любезному моему сыночку Андреюшкѣ милость и покровъ и повелѣніе отправиться въ Рязанскую губернію, дабы принять тамъ управленіе всѣми дѣлами дѣтушекъ (скопцовъ) и оттуда никуда не выѣзжать, покуда отецъ милосердый (Селивановъ) его, Никонова, къ отвѣту не призоветъ“.

Получивъ такое повелѣніе, Никоновъ отправился, дѣйствительно, въ Рязанскую губернію на проповѣдъ. Нужно замѣтить, что Никоновъ, какъ доказываютъ всѣ имѣющіяся о томъ оффиціальныя данныя, глубоко вѣрилъ въ божественность Селиванова и былъ вполнѣ убѣжденъ, что послѣдній *не умеръ*, а только *изчезъ*; но несмотря

на эту вѣру и убѣжденіе, Никоновъ, сдѣлавшись самостоятельнымъ дѣятелемъ, явился не рабскимъ подражателемъ селивановскаго ученія, а творцомъ новаго ученія и реформаторомъ. Будучи самъ скопцомъ, онъне признавалъ необходимости физическаго оскопленія, увѣряя, что самъ „милосердый ихъ батюшка“ (Селивановъ) этого не требовалъ. Вслѣдствіе сего, въ общинѣ Никонова находились и оскопленные, и не оскопленные, т. е. прежніе и новые его ученники. Вотъ почему Никоновъ является основателемъ совершенно своеобразнаго толка, носящаго названіе „духовныхъ скопцовъ“. Дѣятельность Никонова, какъ представителя новаго толка, принимающаго въ число членовъ общины, какъ оскопленныхъ, такъ и не оскопленныхъ, была во истину изумительна: къ нему стекалось множество учениковъ, которые увлекались его замѣчательнымъ краснорѣчіемъ и умомъ. Если бы Никоновъ получилъ образованіе, онъ могъ бы играть не маловажную роль въ обществѣ и, быть можетъ, принесъ бы не малую для него пользу. Какъ отставной солдатъ, Никоновъ многому насмотрѣлся, многаго наслушался и многому научился практически; его ничто не смущало: онъ шелъ прямо къ своей цѣли потому, что былъ убѣжденъ въ правотѣ своего дѣла. Здравый смыслъ доказывалъ ему, что уродованіе людей составляетъ нетолько преступленіе, но и нелѣпость, и онъ сталъ проповѣдывать о вредѣ скопчества, убѣждая свою паству въ необходимости очищенія, не физическаго, а духовнаго. Никоновъ былъ религіозенъ по своему, а

также по своему и честенъ: онъ самъ никогда не прибѣгалъ къ разнымъ хитростямъ для того чтобы привлекать легковѣрныхъ къ поступленію въ свою общину. Никоновъ сознавалъ всю силу своего слова, своей рѣчи и своего нравственнаго вліянія на невѣжественную живую массу, въ средѣ которой онъ вращался. Новое ученіе, вслѣдствіе неотъемлемаго ума и энергіи своего основателя, привлекало множество послѣдователей, и селивановскій толкъ, повсюду, гдѣ проповѣдывалъ Никоновъ, все болѣе и болѣе терялъ своихъ приверженцевъ, которые переходили въ новую секту, сожалѣя о своемъ уродствѣ; вотъ почему въ Скопинскомъ уѣздѣ Рязанской губ., подлежавшемъ преимущественно нравственному вліянію Никонова, мы находимъ, сравнительно, мало оскопленныхъ, ибо большая часть никоновской братіи принадлежала къ имъ основанной, новой, сектѣ—къ „скопчеству духовному“. Вѣрованія духовныхъ скопцовъ не отличались ничѣмъ отъ вѣрованій фактически-оскопленныхъ, такъ какъ Никоновъ, убѣжденный въ божественности Селиванова, не рѣшался измѣнить главныхъ догматовъ скопческой ереси, и проповѣдывалъ скопчество духовное лишь потому, что живя долгое время съ Селивановымъ,—человѣкомъ крайне ограниченнымъ и не бойкимъ на словахъ,—часто слыхалъ отъ лже-христа, что можно быть скопцомъ и не оскопившись физически, если у кого не хватитъ для этой операціи духа, вслѣдствіе чего лучше скопить малолѣтокъ, ничего не понимающихъ и ничего не знающихъ, или подвергать оскопленію взрос-

лыхъ, отнимая у нихъ всякое сознаніе, помощію различныхъ снадобій, въ родѣ дурмана и т, п. *).

Слишкомъ сильный наплывъ учениковъ къ новому проповѣднику, путешествовавшему изъ села въ село, изъ уѣзда въ уѣздъ, не могъ не обратить на себя вниманія правительства, которое получало изъ разныхъ мѣстностей Россіи довольно неутѣшительныя свѣденія о развитіи скопчества между крестьянами. Въ 1850 году Никоновъ и его сподвижники были схвачены, переданы въ руки подлежащихъ властей и подверглись ссылкѣ. Въ томъ-же 1850 году (10 іюня) правительство нашло нужнымъ издать слѣдующее постановленіе о мѣрахъ, которыя должны быть принимаемы, на будущее время, относительно скопцовъ:

„Впредь, до уменьшенія сего пагубнаго увле-

*) Духовныхъ скопцовъ не слѣдуетъ смѣшивать съ хлыстами, ученіе которыхъ, какъ видно изъ настоящей статьи не имѣло ничего общаго съ Селивановскимъ ученіемъ.

Въ „матеріалахъ для географіи и статистики Россіи“, г. Барановскій предполагаетъ, что отецъ бывшаго президента петербургской медицинской академіи, Дубовицкаго принадлежалъ къ числу „духовныхъ скопцовъ“, составлявшихъ особую массонскую ложу. Это вполнѣ опровергается оффиціальными данными, которыя доказываютъ, что помѣщикъ рязанской губерніи Дубовицкій, о которомъ идетъ рѣчь, принадлежалъ всецѣло къ сектѣ хлыстовъ, которые, хотя и не признавали основаніемъ своего ученія физическое оскопленіе, и умерщвляли плоть помощію разврата и свальнаго грѣха, но все-таки, послѣ отпаденія отъ нихъ Селиванова, нашли нужнымъ дозволить оскопленіе для желающихъ-пріобрѣсти „высшую степень православнаго совершенства человѣка.“

ченія людей суевѣрныхъ, установить слѣдующія правила виновныхъ въ оскопленіи самихъ себя и вообще въ принадлежности къ ереси: скопческой, подвергать лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ крѣпостную каторжную работу на Аландскіе острова, отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ.*) Совершенно неспособныхъ къ работамъ женщинъ, вмѣсто работъ, въ Сибирь на поселеніе въ Туруханскій край съ тѣмъ, чтобы въ одномъ и томъ-же мѣстѣ не было значительнаго числа скопцовъ. **) Необличенныхъ въ оскопленіи малолѣтнихъ передавать въ военное вѣдомство для назначенія въ флейтшики и барабанщики. Тѣхъ изъ скопцовъ, кои будутъ изобличены въ распространеніи сей ереси, совращеніи въ оную и оскопленіи другихъ, хотя безъ насилія, а равномѣрно и ересеначальниковъ, лжеучителей и вообще всѣхъ, принимающихъ непосредственное участіе въ направленіи и распространеніи дѣйствій и вѣрованій сей секты, — подвергать лишенію всѣхъ правъ состоянія, ссылкѣ въ каторжныя работы въ рудникахъ, на время отъ пятнадцати до двадцати лѣтъ, а буде они по закону не изъяты отъ наказаній тѣлесныхъ, и наказанію плетьми чрезъ палачей, въ мѣрѣ, опредѣленной ст. 21, ул. 15 св. 1845 года для второй степени наказаній сего рода (т. е. отъ 80—90 ударовъ)

*) На Аландскихъ островахъ была сформирована цѣлая рота скопцовъ.

**) По закону 1820 года, женщинъ-скопчихъ ссылали въ иркутскую губернію, на суконныя фабрики.

съ наложеніемъ клеймъ. Если распространеніе ереси было сопровождено насиліемъ, то изобличенныхъ въ семъ преступленіи присуждать къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжную работу въ рудникахъ безъ срока, а буде они по закону не изъяты отъ наказаній тѣлесныхъ, и къ наказанію плетьми чрезъ палачей, въ мѣрѣ опредѣленной статьею 21 ул. 15 авг. 1845 г. для первой степени наказанія сего рода (т. е. 100 ударовъ), съ наложеніемъ клеймъ."

Не взирая на строгія мѣры, предписанныя правительствомъ въ 1850 году, съ цѣлію, помощію устрашенія, остановить дикую скопческую пропаганду, вторгнувшуюся въ крестьянскую среду съ особеннымъ ожесточеніемъ — скопческое ученіе успѣшно проповѣдывалось въ Москвѣ и въ разныхъ губерніяхъ нашего обширнаго отечества, дробясь на множество толковъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ своего нàбольшаго, своего кормчаго, своихъ пророковъ и пророчицъ. Въ Петербургѣ, при существованіи „коммиссіи для разбирательства скощовъ", пропаганда скопчества совершенно прекратилась и составлены были *дѣйствительные,* а не фиктивные, списки всѣхъ, находившихся въ приневской столицѣ, послѣдователей Селивановскаго ученія. Бывшій въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ, графъ Перовскій, видя успѣшность результатовъ, достигнутыхъ коммиссіей, *предполагалъ*, по окончаніи ея занятій въ Петербургѣ, отправить ее, въ 1853 году, въ полномъ составѣ, въ тѣ мѣстности, гдѣ скопчество наиболѣе было развито: но

это предположеніе не было приведено въ исполненіе, такъ какъ графъ Перовскій, въ 1852 году, уже оставилъ министерство внутреннихъ дѣлъ.

По закрытіи коммиссіи, скопцы, не только петербургскіе но и находившіеся въ другихъ губерніяхъ, вельми возрадовались, ибо, отъ времени до времени, въ слѣдствіе сношеній коммиссіи съ мѣстными властями различныхъ губерній (когда отыскивалась нить, связывавшая скопцовъ петербургскихъ съ провинціальными) имъ приходилось иногда не на шутку тревожиться, когда нѣкоторые изъ нихъ привлекались въ Петербургъ, къ слѣдствіямъ, производившимся о ихъ единовѣрцахъ. Можно смѣло сказать, что съ 1853 года, скопчество не уменьшилось, а увеличилось, и вѣдомости о скопцахъ, которыя велись мѣстными властями различныхъ губерній, составлялись, годъ отъ году, все небрежнѣе, такъ что подлинной, точной цифры лицъ, принадлежащихъ къ этой ереси, въ оффиціальной статистикѣ, у насъ до сихъ поръ не существуетъ. Вотъ причина, по которой въ разныхъ газетныхъ статьяхъ и отдѣльныхъ брошюркахъ по этому предмету, мы встрѣчаемъ неимовѣрныя несообразности относительно цифры скопческаго населенія въ Россіи: одни говорятъ что всѣхъ скопцовъ, у насъ, не болѣе 1,300, другіе 3000, а нѣкоторые, неизвѣстно на какихъ данныхъ, доводятъ ее до 400,000 человѣкъ! По свѣдѣніямъ, провѣреннымъ нами, на сколько это было для насъ доступно, мы почти съ достовѣрностію можемъ сказать, что всѣхъ скопцовъ

въ Россіи, въ настоящее время, не менѣе 10,000 человѣкъ.

Послѣ 1853 года, публика забыла почти о существованіи этой секты, хотя въ обѣихъ столицахъ имперіи, ежедневно видѣла, послѣдователей ея, въ числѣ мѣнялъ и торговцевъ драгоцѣнными металлами и каменьями. На скопческую секту, послѣ довольно продолжительнаго періода времени, было обращено общее вниманіе лишь въ 1839 году, когда въ Тамбовской губерніи — въ колыбели скопчества — въ городѣ Моршанскѣ, загорѣлось знаменитое Плотицынское дѣло, которымъ публика сильно заинтересовалась, ибо разные корреспонденты газетъ стали утверждать, „что въ кладовыхъ дома, гдѣ жилъ Плотицынъ, найдено нѣсколько десятковъ бочекъ, набитыхъ золотою и серебряною монетою, цѣнность которой равнялась чуть-ли не нѣсколькимъ милліардамъ. Когда же плотицынское дѣло дошло до суда, когда публичное разбирательство доказало, что тѣ милліарды. о которыхъ толковали корреспонденты, существовали только въ воображеніи досужихъ писакъ, то скопческая секта, для публики, потеряла снова весь свой интересъ, не взирая на то, что главная суть дѣла заключается не въ милліонахъ, а въ самомъ фактѣ существованія у насъ, въ концѣ XIX-го столѣтія, такого уродливо-дикаго ученія, каковымъ является скопчество, и въ возможности, находимой скопцами, привлекать, до сихъ поръ, въ свою секту, въ свое братство, новыхъ сподвижниковъ, новыхъ адептовъ. Извѣстно, что тотчасъ

по окончаніи Плотицынскаго дѣла, надѣлавшаго столько шуму и тревоги, дѣлались скопцами заказы на *живой товаръ*, который, какъ видно изъ перехваченной переписки, принимается въ Москвѣ *охотно*. Въ скопческой сектѣ поразительна ея неимовѣрная живучесть въ тѣхъ именно мѣстностяхъ, гдѣ она появилась при своемъ возникновеніи. Дѣятельность скопцовъ неутомима и изумляетъ своею стойкостію, своимъ неестественнымъ звѣрствомъ.

Скопческіе операторы, сдѣлавъ первую операцію, какъ будто входятъ во вкусъ, ненасытно жаждутъ крови и рѣжутъ съ наслажденіемъ всѣхъ, кто попадаетъ подъ ихъ ножъ. Фанатизмъ ихъ не останавливается ни передъ чѣмъ: его не трогаютъ ни крики ребенка, ни слезы женщинъ, ни мольбы старика. Скопческій операторъ находится, во время совершаемой имъ рѣзни, въ какомъ то угарѣ, въ какомъ то неистовомъ изступленіи и нравственномъ опьяненіи. Для достиженія своихъ цѣлей, скопцы прибѣгаютъ къ различнымъ хитростямъ и коварствамъ, выражающимся въ подпольной ихъ работѣ для полученія *живаго* товара, изъ среды бѣдныхъ, несчастныхъ дѣтей, чрезъ посредство особыхъ коммисіонеровъ, которые, съ этою цѣлію, отправляются въ самыя отдаленныя мѣста и захолустья. Не смотря на то, что скопцы ненавидятъ православныхъ, и въ особенности русское духовенство, они ходятъ въ православные храмы и подчиняются всѣмъ нашимъ церковнымъ правиламъ и обрядамъ. Скопцовъ всегда можно видѣть въ нашихъ церь-

квахъ, исповѣдывающимися и причащающимися; но они дѣлаютъ это для того только, что бы не навлечь на себя подозрѣнія въ непринадлежности къ православію, къ христіанской религіи. Пріемы, которые они употребляютъ, для совращенія въ свою секту, весьма разнообразны, смотря потому, къ кому именно пріемы эти должны быть примѣняемы, Прежде всего, скопческіе миссіонеры стараются подорвать довѣріе къ православной религіи, указывая на пороки и безпорядочную жизнь православныхъ; при этомъ они приводятъ текстъ писанія который гласитъ, что *„ни блудники, ни пьяницы, ни хищники, не наслѣдуютъ Царствія Божія.“* Они позорятъ нашихъ священниковъ, а о таинствѣ св. Причастія говорятъ, что *„какое же это таинство, или тайна, когда происходитъ привсѣхъ, явно“; Они* утверждаютъ что рѣшившійся на оскопленіе есть *„вѣрный рабъ и воинъ христовъ“*. Для „слабыхъ вѣрою“ скопцы дѣлаютъ снисхожденіе и отлагаютъ иногда оскопленіе на неопредѣленное время. т. е. до удобнаго случая. Одинъ изъ самыхъ могучихъ способовъ, для привлеченія въ секту заключается *въ подкупѣ*, въ предоставленіи жертвѣ матеріальныхъ выгодъ. Сдѣлки подобнаго рода совершаются чрезвычайно быстро. Были примѣры, что, по предложенію скопцовъ-миссіонеровъ. арестанты, во время слѣдованія своего въ Сибирь, скопились сами *за нѣсколько копѣекъ*, для того только, чтобы получить деньги просто на выпивку, и операцію эту совершали иногда даже помощію жестянки, или куска стекла. Скопцы при-

бѣгаютъ еще и къ другому средству, когда имѣютъ дѣло съ людьми нуждающимися: они втягиваютъ ихъ мало по малу въ долговыя обязательства, и когда опутанный ими не находитъ уже для себя никакого исхода, ему предлагаютъ уничтожить обязательства и сверхъ того получить еще денегъ, съ тѣмъ, чтобы онъ оскопился Наконецъ, скопцы занимаются покупкою дѣтей у бѣдныхъ родителей и родственниковъ, берутъ ихъ къ себѣ въ услуженіе и за симъ скопятъ. Изъ слѣдствій, произведенныхъ какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, видно что нѣсколько мальчиковъ, — отъ 13-ти до 15-ти лѣтняго возраста, — бывшихъ въ услуженіи у своихъ благодѣтелей-скопцовъ, и подготовленныхъ скопческими бреднями, сами изъявляли желаніе оскопиться и производили эту операцію сразу, даже топоромъ. Оскопленные, какъ доказалъ опытъ, всегда боятся указывать на своего скопителя, опасаясь мести. Для сношеній между собою скопцы, въ большей части случаевъ, не пользуются почтою: у нихъ есть собственная своя почта, ими самими устроенная; они сообщаются не письменно, а словесно. Съ этою цѣлью у нихъ существуютъ миссіонеры, которые раздѣляются на *странствующихъ* и *постоянныхъ* *). Странствующіе миссіонеры занимаютъ второстепенное мѣсто въ іерархіи покровителей и укры-

*) Нѣкоторые скопцы, при письменныхъ сношеніяхъ между собою, употребляютъ имъ однимъ лишь извѣстную условную азбуку.

вателей скопчества: большая часть изъ нихъ не оскоплены, а если между ними и есть скопцы, то всѣ они принадлежатъ къ категоріи такъ называемыхъ *оправданныхъ*. Всѣ эти лица снабжены надлежащими паспортами и немалыми денежными средствами. Странствующіе доставляютъ всѣ собранныя ими свѣдѣнія постояннымъ миссіонерамъ, которые, по преимуществу, живутъ въ большихъ городахъ, или значительныхъ торговыхъ пунктахъ. Постоянные миссіонеры (всѣ безъ исключенія скопцы) сообщаютъ имѣющіяся въ рукахъ ихъ данныя въ центральныя скопческія управленія, которыя, въ настоящее время, сосредоточены преимущественно въ Москвѣ *), Петербургѣ, Моршанскѣ и Одессѣ, а внѣ предѣловъ имперіи въ Яссахъ и Бухарестѣ **).

---

*) Москва имѣетъ для скопцовъ религіозное значеніе, такъ какъ въ Москву, по ихъ убѣжденіямъ, долженъ придти изъ Иркутска ихъ лже-христосъ (Селивановъ) и ударить въ успенскій колоколъ; они увѣряютъ что второе пришествіе лже-христа, Селиванова, вполнѣ торжественное, совершится тогда, когда число оскопленныхъ достигнетъ апокалиптической цифры 144,000 человѣкъ (по мнѣнію другихъ 300,000). Что же касается Петербурга, то онъ дорогъ скопцамъ потому, что въ приневской столицѣ находится ихъ святыня—домъ гдѣ жилъ Селивановъ—принадлежащая, какъ уже было сказанно въ настоящей статьѣ, патріарху петербургскихъ скопцовъ Григорьеву, носящему на себѣ „царскую печать“ оскопленія.

**) Въ Бухарестѣ и Яссахъ, бѣжавшіе изъ Россіи скопцы образовали, съ давнихъ временъ, отдѣльныя общины, или братства, которыя пользуются весьма завиднымъ матеріальнымъ благосостояніемъ. Братства эти постоянно пополняются новыми членами изъ русскихъ бѣглецовъ и попадающихся въ руки братіи дѣтей туземцевъ, которые, всѣ безъ исключенія, подвергаются кастраціи.

Скопцы, почти всѣ безъ исключенія, до крайности алчны и корыстолюбивы, и любовь къ драгоцѣннымъ металламъ и каменьямъ заставляетъ ихъ часто заниматься покупкою краденыхъ вещей, съ цѣлію пріобрѣсти ихъ за безцѣнокъ. Послѣдователи Селиванова не считаютъ грѣхомъ обмануть, ограбить и даже лишить жизни (въ случаѣ нужды) не принадлежащихъ къ ихъ сектѣ.

Боги, созданные для себя скопцами, послѣдователями искаженнаго ученія Селиванова, состоятъ изъ слѣдующихъ лицъ: 1) Лже-христосъ Селивановъ, о которомъ мы уже сообщили выше подробныя свѣдѣнія. 2) „Непорочная дѣва“ Акулина Ивановна, отъ которой Селивановъ, по утвержденію скопцовъ, родился духовно и 3) „Первый апостолъ Селиванова и пророкъ“ Александръ Ивановичъ Шиловъ.

Скопцы собираются на молитву и „радѣніе“ преимущественно съ субботы на воскресенье и неранѣе 10-го часа вечера. Моленныя свои они называютъ „соборомъ“. Въ моленныхъ, вмѣстѣ съ образами, всегда находятся портреты ихъ боговъ и пророковъ. Когда всѣ соберутся, старшій, т. е. наставникъ, дѣлаетъ слѣдующій возгласъ: „помолимся, братія за Государя Императора (подразумѣвается Петръ III—Селивановъ тожъ), чтобы ему Богъ положилъ по сердцу о покровительствѣ вѣрныхъ праведныхъ (т. е. скопцовъ)“. Когда моленіе кончится, всѣ другъ другу кланяются въ поясъ, а наставникъ, сидя въ это время на возвышеніи, въ креслахъ,

посреди передней стѣны, или въ переднемъ углу, начинаетъ пѣть, съ хоромъ вмѣстѣ, разныя пѣсни и „страды.“ Во время пѣнія, нѣкоторые изъ скопцовъ и скопчихъ выходятъ на средину и начинаютъ предаваться разнымъ неистовымъ тѣлодвиженіямъ.

Тѣлодвиженія и круженія на радѣніяхъ бываютъ различны: 1) круженіе въ стоячемъ положеніи, около оси тѣла, или съ распростертыми руками круговое движеніе двухъ или нѣсколькихъ лицъ, при стоячемъ положеніи тѣла, около одного центра и 3) перпендикулярныя колебанія туловища и всего тѣла отъ одной стороны къ другой, отъ переда къ заду. Скопцы, предаваясь этимъ неистовымъ движеніямъ, входятъ въ экстазъ и находятся въ какомъ то одуреніи, похожемъ на опьяненіе. Экзальтація скопцовъ послѣ этой гимнастики порождаетъ въ нихъ желаніе проповѣдывать, а за симъ и пророчествовать. Эротическое возбужденіе у нѣкоторыхъ изъ кружащихся бываетъ такъ сильно, что они кусаютъ сами себя, чтобъ избавиться отъ слишкомъ сильнаго нервнаго раздраженія.

Въ нѣкорыхъ кораблях пророчествуетъ самъ кормчій и его пророчицы, а въ другихъ, если управляющій кораблемъ говоритъ не мастеръ, этимъ дѣломъ занимаются пророчицы ex officio, а прихожане какъ диллетанты. Крестятся скопцы обѣими руками заразъ, касаясь, вмѣсто лба, пояса и въ одно время правою рукою праваго плеча, и лѣвою лѣваго; потомъ перенося правую руку на лѣвое плечо, а лѣвую на правое.

Портретъ Селиванова почитается скопцами выше всѣхъ образовъ. Водосвятіе совершается у нихъ слѣдующимъ порядкомъ: старшій изъ скопцовъ, или управляющій кораблемъ, ставитъ сосудъ съ водою подъ образа и читаетъ или молитвы, или страды, по собственному произволу; за симъ погружаетъ крестъ въ воду и даетъ присутствующимъ пить ее. Погребеніе скопцовъ совершается очень просто: умершаго одѣваютъ въ длинную рубашку, въ которой онъ ходилъ на молитву, и кладутъ въ гробъ безъ отпѣванія, такъ какъ тѣло, по вѣрованіямъ скопцовъ, не заслуживаетъ ни малѣйшаго уваженія.

За симъ намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о самомъ оскопленіи. Въ сущности, оскопленіе имѣетъ только двѣ степени: одна изъ нихъ носитъ названіе *печати* (отнятіе однихъ яичекъ); а другая *большой, или царской печати* (отнятіе всего члена). Послѣдняя операція совершается или въ одинъ пріемъ, или послѣ малой печати. У женщинъ, оскопленіе (которое какъ доказано опытомъ, не препятствуетъ имъ рожать) производятъ или вырѣзываніемъ грудныхъ желѣзъ, или цѣлыхъ грудей, или наконецъ клитора и нѣкоторыхъ частей малыхъ и большихъ губъ дѣторождныхъ частей. Оскопленіе женщинъ не производитъ почти никогда измѣненій въ ихъ организмѣ.

Обрядъ принятія въ скопческую секту (который заимствованъ почти весь цѣликомъ отъ хлыстовъ) совершается слѣдующимъ образомъ: по назначеніи дня и мѣ-

ста церемоніи, скопцы собираются „полнымъ соборомъ“ состоящимъ изъ мущинъ и женщинъ. „Новикъ“, (т. е. сопричисляемый къ скопчеству) переодѣвается въ „торжественный“ нарядъ, состоящій изъ бѣлой, длинной и широкой рубашки особаго покроя. По знаку, данному „учителемъ“, новикъ вводится, босой, въ соборъ и, вмѣстѣ съ вводящимъ его, кладетъ передъ иконами и портретами три земные поклона, а затѣмъ кланяется до земли „учителю“, крестясь при этомъ обѣими руками. Потомъ оба вошедшіе кланяются всему собору, повора чиваясь по солнцу. Всѣ присутствующіе держатъ въ рукахъ зажженныя восковыя свѣчи. а учитель въ одной рукѣ держитъ свѣчу, а въ другой крестъ. Когда братія, послѣ этого, усядится по мѣстамъ, то учитель начинаетъ произносить рѣчь, въ которой объясняетъ „новику“ какъ тяжела обязанность имъ принимаемая, къ какимъ пожертвованіямъ онъ себя готовитъ, какъ будутъ его всѣ гнать, хулить и ненавидѣть. Затѣмъ, учитель перечисляетъ будущія обязанности „новика“, состоящія въ томъ, чтобы удалиться отъ „гнусной скверны“, отъ обращенія съ женщинами, отъ употребленія крѣпкихъ напитковъ, отъ мяса, отъ произнесенія ругательныхъ словъ, отъ имени дьявола, и отъ веденія какой либо пріязни съ „міромъ“ (т. е. нескопцами); требуетъ называть „своихъ“ (т. е. скопцовъ) не иначе какъ „братьями“ и сестрами“, и отдавать имъ честь земными поклонами, когда при этомъ нѣтъ міранъ. „Если ты все это можешь исполнить“, заключаетъ наставникъ,

„то милости просимъ въ избранное христово стадо!“ Послѣ обѣщанія „новика“, что онъ все это исполнять будетъ, учитель объявляетъ, что въ „братствѣ“, въ которое „новикъ“ желаетъ вступить, хранится *„живое таинство,* утаенное отъ *премудреныхъ* и *разумныхъ,* и открываемое, со временъ св. апостоловъ, только *младенцамъ,* т. е. избраннымъ *святымъ божіимъ человѣкамъ*“. Потомъ учитель спрашиваетъ у „новика“: обѣщаетъ ли онъ когда это таинство будетъ ему открыто „хранить его въ своемъ сердцѣ и никому не повѣдать, хотя бы то стоило гоненій, мукъ и даже смерти?“ На утвердительный отвѣтъ, учитель спрашиваетъ: „а кого представишь ты въ томъ порукою за себя?“ Новикъ указываетъ обыкновенно на того, который ввелъ его въ „соборъ“, т. е. на своего „учителя“. Нѣкоторые учители довольствуются порукою какого-нибудь святаго угодника, напримѣръ, Николая чудотворца. За симъ хоръ поетъ: „Благословенъ еси Христе боже нашъ, иже премудры ловцы явлей, и тѣми уловлей вселенную“ Вслѣдъ за тѣмъ учитель произноситъ слѣдующую клятву, которую за нимъ громко повторяетъ „новикъ“: „пришелъ я къ тебѣ, господи, на истинный путь спасенія. не по неволѣ, но по своему желанію, и обѣщаюсь служить вѣрно милосердому государю-батюшкѣ-искупителю, и про дѣло сіе святое никому не сказывать, ни царю, ни князю, ни отцу, ни матери, ни пріятелю, и готовъ принять гоненія и мученія, огонь, кнутъ, плаху и топоръ, только не повѣдать врагамъ тайну“. Послѣ клятвы, приводи-

мый цѣлуетъ крестъ, находящійся въ рукахъ учителя, произнося слѣдующія слова: „прости меня господи, простите меня ангелы, архангелы, херувимы, серафимы и вся небесная сила, прости небо, прости земля, прости солнце, прости луна, простите звѣзды, простите озера, рѣки и горы, простите всѣ стихіи небесныя и земныя.“ За этимъ, весь соборъ встаетъ и, начиная ходить кругомъ, поетъ тропарь: „во іорданѣ крещающеси тебѣ, господи“, и извѣстный церковный стихъ: „елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся, аллилуіа“. Въ это время, присутствующіе привѣтствуютъ „новика“ возгласомъ „Христосъ воскресе“. При этомъ, братія цѣлуется между собой. Послѣ разныхъ молитвъ и пѣній, присутствующіе падаютъ ницъ, а учитель приглашаетъ „вѣрныхъ и правѣдныхъ“ помолится о „матушкѣ, великой страдательницѣ Акулинѣ Ивановнѣ“, о государѣ-батюшкѣ искупителѣ Петрѣ Ѳедоровичѣ (Селивановѣ) о благословенномъ батюшкѣ (мѣстномъ учителѣ), о благословенной матушкѣ (мѣстной пророчицѣ), о разныхъ скопческихъ корабляхъ и, наконецъ, о всѣхъ вѣрныхъ и правѣдныхъ (т. е. скопцахъ)“.

Пророчества называются у скопцовъ „бесѣдою“ или „хожденіемъ во славѣ“. Главное содержаніе пророчествъ заключается въ предсказаніяхъ. Всѣ члены секты имѣютъ право заниматься пророчествами, если того пожелаютъ. Пророчества совершаются такъ: главный учитель назначаетъ кому именно изъ желающихъ слѣдуетъ пророчествовать, и избранный выходитъ на

средину моленной, перепоясанный полотенцемъ черезъ плечо, которое носитъ названіе „небесной силы“. Въ рукѣ, пророкъ держитъ платокъ, или „покровъ“. Выходъ пророка на средину называется „стать на святой кругъ.“ Предъ началомъ пророчества, вдохновенный читаетъ слѣдующую молитву:

„Благослови мой Государь,
Благослови батюшка родной,
Въ кругъ святой твой стать,
Изволь мною Святымъ Духомъ завладать!“

Молитва эта поется съ обращеніемъ къ портрету Селиванова, т. е. къ скопческому богу-искупителю.

На молитву пророка, всѣ собравшіеся скопцы и скопчихи отвѣчаютъ хоромъ:

„Благослови Вышній Творецъ
Милостивый Богъ-отецъ,
Твою пѣсенку намъ спѣть,
На честной образъ глядѣть!
Благослови нашъ искупитель.
Сударь батюшка родной,
Колоколъ прозвонити
Птицу райскую сманити!“ *)

Пѣсня эта повторяется въ промежуткъ проповѣди каждаго изъ пророковъ, или пророчицъ.

Пророчества, по большей части, заключаются въ

*) Подъ именемъ *райской птицы* разумѣется пророчествующій, или пророчествующая.

безсмысліцѣ, въ наборѣ разныхъ, ничего незначащихъ словъ, а иногда касаются все одного и того же предмета: скораго явленія лже-искупителя, который долженъ придти „ослободить“ своихъ дѣтушекъ, ударивъ при этомъ въ Успенскій колоколъ, въ Москвѣ. Наборъ словъ дѣлается пророками, по преимуществу, въ формѣ стиховъ, до которыхъ скопцы большіе охотники. Вотъ, напримѣръ, какъ начиналось одно пророчество:

„Ну, Богъ помочь тебѣ братъ!
Это Богъ тебѣ
Подаетъ душѣ твоей много наградъ;
Ты будешъ имѣть много отрадъ;
Пошлетъ въ нутрò твое благодать:
Не изволь, братъ, унывать!“

Натурально, что въ числѣ пророковъ, есть нѣкоторые, пользующіеся особеннымъ почетомъ у скопцовъ, какъ болѣе способные къ рифмоплетству и съ большею бойкостью слагающіе свои безсмысленныя романсы.

Изъ пѣсенъ скопцовъ (поющихся во время радѣній) заслуживаетъ особеннаго вниманія пѣсня, составляющая переложеніе, на простонародный ладъ, 22-го псалма „Господь пасетъ мя“. Пѣсня эта, общая у скопцовъ, не только съ хлыстами, но и съ малаканами и духоборцами.

Вотъ эта пѣсня:

Взирай съ прилежаніемъ, тлѣнный человѣче,
Како вѣкъ твой проходитъ и лежитъ недалече
Текутъ время и лѣта во мгновеніе ока:

Солнце скоро шествуетъ къ Западу съ Востока.
Готовися на всякъ часъ, рыдай со слезами,
Да не похититъ тя смерть съ твоими дѣлами.
Ангелъ же твой хранитель тебя извѣствуетъ,
Краткость жизни твоей перстомъ покалуетъ.
Слышишъ ли, душа моя! паче всѣхъ еси грѣшна!
Уготована тебѣ мука безконечна . . .“

По удостовѣренію покойнаго профессора Н. И. Надеждина, канты или псалмы держатся у скопцовъ, какъ видно изъ показаній самихъ послѣдователей селивановскаго ученія, только „для ясности“, чтобъ обмануть любопытствующихъ посѣтителей и за симъ слѣдователей, которыхъ они увѣряютъ, что кромѣ кантовъ и псалмовъ у нихъ на сборищахъ ничего не поется.

По окончаніи молитвъ и церемоній, скопцы приступаютъ къ „братской трапезѣ“, состоящей изъ постной пищи и чаю, до котораго они большіе охотники. О причащеніи ихъ мы говорили выше.

Главное основаніе христіанской религіи — Ветхій и Новый Завѣтъ — скопцы отвергаютъ положительно а также отрицаютъ и постановленія Соборовъ и писаніе Святыхъ отцовъ. Книги вообще они ненавидятъ: что написано и напечатано, то, по ихъ убѣжденію, вредно, соблазнительно, служитъ къ „претыканію“ и склоняетъ къ „развратy“. Скопцы говорятъ, что „книги затмѣваютъ умъ, вводятъ человѣка въ неистовство, развлекаютъ мысли, отводятъ отъ истины и удаляютъ отъ пути Божія“; что же касается до Священнаго писанія, то

скопцы утверждаютъ, что *оно не настоящее,* и что христіане *съ умысломъ испортили его,* со временъ императора Константина Великаго. По ихъ убѣжденію, искупленіе, Іисусомъ Христомъ. рода человѣческаго состояло не въ иномъ чемъ, какъ въ проповѣданіи оскопленія всему роду человѣческому, которое и заключается въ *„настоящемъ“* Новомъ Завѣтѣ. По толкованію скопцовъ, Христосъ не умиралъ и не воскресалъ, а только сложивъ съ себя плоть человѣческую, обратившуюся въ тлѣніе, возвратился на небо, къ Богу. Основанная же Христомъ ново-завѣтная церковь состояла, какъ они говорятъ, исключючительно изъ однихъ скопцовъ, что и продолжалось до Константина Великаго, и за симъ только дѣло измѣнилось. Скопцы говорятъ, что всѣ угодники, лики которыхъ пишутся безъ бородъ, были скопцами, какъ напримѣръ: Св. Георгій Побѣдоносецъ, Дмитрій Солунскій, Св. Князья Борисъ и Глѣбъ; а также изображаемые съ рѣдкой бородой: Николай Чудотворецъ, Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Зосима и Савватій, Филиппъ митрополитъ и др.

Таковы вѣровонія баснословно уродливой секты, исторію которой, мы, возможно сжато, старались передать въ настоящемъ очеркѣ.

Все сказанное нами объ этой сектѣ далеко не исчерпываетъ тѣхъ богатыхъ историческихъ матеріаловъ, которые касаются ереси, обратившей на себя, въ послѣднее время, общественное вниманіе въ Россіи.

Въ скопческой ереси выразилось то непробудное невѣжество, въ которомъ коснѣлъ народъ русскій въ теченіе почти тысячилѣтія, и отъ котораго онъ, съ большимъ трудомъ и усиліями, только начинаетъ осво бождаться.

Въ религіи скопцовъ существуетъ и идолопоклонство, и самозванство, и добровольное, или принужденное, уродованіе своего и чужаго тѣла, „спасенія души ради“.

Скопцы пріискали себѣ новаго „живаго Бога“, новую богородицу, новыхъ святыхъ и новыхъ пророковъ, въ собственной средѣ, и въ нихъ воплотили, если можно такъ выразиться, свое непробудное, дикое, уродливое невѣжество. Лже-христосъ ихъ (основатель скопчества, Селивановъ), былъ такой же невѣжда какъ и они сами, а между тѣмъ, среда въ которой онъ вращался повѣрила его бреднямъ потому только, что бредни эти были высказаны на языкѣ понятномъ невѣжественнымъ массамъ и въ формахъ, доступныхъ грубому воображенію этихъ массъ и *неотесанной* ихъ фантазіи. Составляя самую крайнюю степень изувѣрства, до котораго только можетъ снизойти человѣческое слабоуміе, скопчество является, въ нашемъ отечествѣ, какъ дикій протестъ противъ умственнаго и нравственнаго развитія той среды, которую ересь эта избрала для себя неповинною жертвою и богатымъ, неоскудеваемымъ источникомъ для самой наглой, для самой безчеловѣчной эксплуатаціи.

Ни временныя административныя мѣры, ни разбира-

тельства скопческихъ дѣлъ на судѣ гласномъ, не положатъ конца скопческой серен, такъ какъ ни первыя, ни вторыя не обнимаютъ дѣла всесторонне, а касаются лишь его отдѣльныхъ эпизодовъ. Для уничтоженія скопчества необходимы мѣры радикальныя, касающіяся не отдѣльныхъ единицъ, а цѣлой общины, цѣлой корпораціи, внѣдрившейся въ низшіе слои нашего общества, которые „не вѣдаютъ что творятъ“, ложась подъ ножъ скопителей.

На іересіарховъ скопческихъ, въ особенности, слѣдуетъ обращать вниманіе и удалять ихъ отъ несчастной паствы, попавшейся въ руки, жаждущія крови, и требующія идолопоклонства.

Скопчество какъ секта, безъ пропаганды, сама собою уничтожится, лишъ бы капиталы не вліяли на ходъ слѣдствій и не измѣняли взглядовъ слѣдователей, которые, какъ доказалъ опытъ, изъ суровыхъ превращаются въ снисходительныхъ. Отдавать скопцовъ, „съ царскими печатями“, на поруки, значитъ не преслѣдовать зла, а потворствовать ему. А между тѣмъ, подобные примѣры мы и до сихъ поръ видимъ, не смотря на существованіе въ Россіи судовъ гласныхъ и публичнаго судопроизводства.

Потребность въ новыхъ законоположеніяхъ о существующихъ, въ Россіи, сектахъ и ересяхъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ощущается, и слѣдуетъ полагать, что со введеніемъ этихъ законоположеній, мало по малу уничтожатся у насъ секты, подобныя скопчеству, идущія въ разрѣзъ, не только съ народнымъ образованіемъ

и воспитаніемъ (о послѣднемъ еще мало думаютъ паши прогресисты) но и съ общимъ развитіемъ человѣчества. Относительно религіозныхъ сектъ, какъ мы сказали въ началѣ настоящого очерка, Россія представляетъ нѣчто такое, что идетъ наперекоръ природѣ и здравому смыслу*).

*) Мы глубоко убѣждены въ томъ, что слѣдствія о скопцахъ не могутъ быть поручаемы *одному лицу*, — ихъ слѣдуетъ поручать *коллегіи*, т. е. коммиссіи, составленной, по меньшей мѣрѣ, изъ *трехъ лицъ*, дабы не допускать единоличныхъ взглядовъ, убѣжденій и распоряженій. При этомъ слѣдствія о скопцахъ должны быть производимы, съ призывомъ подслѣдственныхъ лицъ не въ квартиры слѣдователей, а въ помѣщеніе суда, и всѣ допросы должны быть сняты въ присутствіи не одного, а нѣсколькихъ лицъ. Этой мѣрою уничтожатся всевозможныя пререканія и сомнѣненія.

Imprimerie de Rosenthal & Cie. à Berlin.